

Kalinina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

**В погоне
за бурным
сексом**

СЕКРЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Сыщицы-любительницы Кира и Леся

Дарья Калинина

В погоне за бурным сексом

«ЭКСМО»

Калинина Д. А.

В погоне за бурным сексом / Д. А. Калинина — «Эксмо»,
— (Сыщицы-любительницы Кира и Леся)

Милые дерутся – только тешатся. Вмешиваться в игры новобрачных себе дороже. Кира и Леся сдуру посочувствовали Машеньке, которой молодой муж надавал нешуточных тумачков прямо на глазах у изумленных подруг. Очень скоро дамочка не преминула этим воспользоваться. Рыдая и заикаясь от страха, поведала по телефону Кире, что, отбиваясь от озверевшего Вадима, чуть не прикончила супруга. Прихватив Лесю, жалостливая девушка примчалась к домику Машеньки, чей след, как оказалось, давно простыл. Подружек поджидал лишь сильно избитый Вадим, в бреду обещавший какому-то Котику расправиться с дурой-женой и зажить с ней, дорогой, богато и счастливо...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвертая	32
Глава пятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Дарья Калинина

В погоне за бурным сексом

Глава первая

Чудесным летним вечером, когда на небе не было ни тучки, в кронах деревьев не дрогнул ни листок, а в голове не было ни единой дурной мысли, две подруги решили немного развлечься. В пятницу, тринадцатого числа, проявляя осторожность, они решили не идти на дискотеку, а заняться спортом. Вроде бы все по уму. Но вот с выбором вида спорта получилась неувязка... Что, в общем-то, понятно, поскольку они даже примитивной физкультурой не занимались, даже зарядку по утрам не делали. А тут сразу – конный спорт. Короче говоря, они отправились на ипподром.

– Глупо, конечно, называть так маленький манеж, где помещается не больше шести лошадок за раз, – умничала Леся. – Но зато на свежем воздухе и в парке. А когда мы хоть немного научимся держаться в седле, нас отпустят и в парк.

– Одних или на лошади? – хмуро поинтересовалась Кира, которой идея подруги не очень-то пришлась по сердцу.

Знает она этих лошадок! Только на вид существа травоядные и мирные, мухи не обидят. А потом выясняется, что характер у большинства кобыл дурной, от жеребцов вообще не знаешь, чего и ждать. Одним словом, все у них как у людей. Только у лошадей еще имеются зубы и копыта, словно специально снабженные железками для усиления удара прямо по челюсти.

– И к тому же мы с тобой пропахнем конюшней так, что нас ни в один транспорт не пустят, – высказывала опасения Кира.

– Ерунда! Дима отвезет нас на своей машине.

– Но одежда все равно будет испорчена. Запах не выветришь и за год.

– Не верю, что у тебя не найдется пары маек и брючек, которые ты все равно собиралась выбросить! – стояла на своем Леся.

– Не с твоей комплекцией лезть на лошадь, – выдвинула Кира последний аргумент и, как оказалось, неудачный.

– Что ты имеешь в виду? – немедленно обиделась Леся. – Я такая толстая?

– Не толстая. Но пухленькая. И мягкая. Какая из тебя наездница?

– Вот и подтянись! Ты хоть знаешь, что при езде на лошади задействованы все мышцы?

– Ну...

– Никакой тренажер не сравнится. И потом, свежий воздух и контакт с природой! Нам этого так не хватает.

Кира только вздохнула. Если незамужним подругам чего и не хватало в жизни, так это твердой мужской поддержки. И порой им даже казалось, что это для них серьезная проблема. Хотя если разобраться, думали они в иные дни, то мужья были им не очень-то и нужны.

Зарабатывали подруги себе на жизнь сами. В быту умели прибить гвоздь и даже при необходимости вкрутить шуруп. Они даже знали, чем дюбель отличается от болгарки. В общем, были вполне самодостаточными молодыми женщинами. И образ мужа виделся им в каком-то романтическом ореоле. Увы, прекрасных принцев на белом коне в их окружении не наблюдалось. И хотя надежды на его появление они не теряли, но все же не исключали, что он может и не появиться вовсе.

Но сейчас Кира думала не о возможности увидеть принца на ипподроме. Ее пугала перспектива занятий конным спортом на природе еженедельно. Дитя городских джунглей, она предпочитала производить контакты с природной средой на разумном расстоянии – из

окна персонального автомобиля или с балкона загородной гостиницы. На худой конец, была согласна на ухоженные пляжи или парки. Но это... Нет, мысль о гарцевании на лошади почему-то приводила Киру в трепет.

– Занятие стоит пятьсот рублей, но для нас с тобой бесплатно! – выложила Леся последний козырь.

Разумеется, против такого Кира устоять просто не могла. Она же была в конце концов обыкновенной девушкой. А какой русский не любит халявы? И Кира согласилась.

И вот теперь после долгого рабочего дня, который они провели в родной туристической фирме, отправляя счастливых в дальние теплые страны, подруги ехали, чтобы и самим получить толику удовольствия от жизни. Ехали они в машине Димы, который и затеял всю эту историю с конным спортом. Он даже договорился со своей женой – владелицей той самой конюшни, чтобы она организовала для Киры с Лесей несколько бесплатных занятий.

Щекотливость ситуации заключалась в том, что до того, как жениться на своей жене, Дима долгое время и не без успеха ухаживал за самой Лесей. А потом бросил ее ради другой женщины.

– Ухожу дорогой великой любви, – так он объяснил свой поступок Лесе.

И та приняла информацию к сведению.

Вообще-то все подруги (и Кира в том числе) завидовали характеру Леси. А особенно одной ее черте. Она умела сохранять добрые отношения с людьми даже в самых немыслимых ситуациях. Вот, к примеру, хоть бы этот Дима. Ведь в женихах же ходил. Даже отвел Лесю в ювелирный магазин, где слезно упросил выбрать колечко с бриллиантом покрупней. Только, как выяснилось, не для нее предназначалось это колечко, а для его новой пассии.

Только она об этом, разумеется, ничего не подозревала. И наивно потопала за ним, словно овечка на веревочке, осматривать его только что приобретенную квартиру-студию, в которой еще шли отделочные работы. А потом мотались по строительным магазинам, ангарам и рынкам в поисках подходящего и дешевого ламината, дверей, торговалась за каждый квадратный сантиметр положенной кафельной плитки с целой бригадой таджиков. И все это лишь для того, чтобы потом выяснить: колечко, ремонт и вся предсвадебная суета не имела к ней никакого отношения. Он женился на другой, а она старалась для своей соперницы. Нехило, правда?

Но Леся вместо того, чтобы выцарапать этому гаду его мерзкие, лживые глазенки, лишь широко распахнула свои прекрасные голубые и пролепетала:

– Счастья тебе, Димочка. Большого человеческого счастья. Обо мне не беспокойся. Мне будет невыносимо трудно без тебя, но я справлюсь!

А что Дима? Казалось бы, живи себе спокойно с молодой женой. Ведь этого же хотел. Так нет! Теперь Дима поздравлял свою бывшую невесту со всеми праздниками, звал в гости, устраивал ей свидания с подходящими, на его взгляд, кавалерами и вообще всячески заботился о том, чтобы она не скучала. Зачем он это делал, для всех оставалось загадкой.

Если честно, то прежде, ухаживая за Лесей, Дима про ее день рождения умудрялся забывать даже после десятикратного напоминания и включенной электронной «напоминалки». Международный женский день праздником прежде вообще не числил. А все прочие считал удобным поводом лишь для собственного увеселения.

А теперь без поздравления не оставлял ни одного, да еще и дарил подарки, был внимателен к маленьким желаниям Леси. Зачем? Тайна. Ибо никакой видимости выгоды от этой своей заботы не имел. Леся же уверяла всех, что в свое время расплатилась с Димой сполна, и теперь он чувствует нечто вроде желания откупиться от нее.

Все возможно. Но ни одна из Лесиных подруг не могла бы похвастаться подобной преданностью бывшего кавалера или жениха. Обычно те убегали, а потом при случайной встрече изо всех сил делали вид, что они не знакомы вовсе. И даже с трудом могут вспомнить, где

встречались. Как? Неужели регулярно в течение трех лет в их собственной постели? Быть того не может! Такой короткой памяти вовсе не бывает.

– А ты ее хоть видела? – осведомилась Кира, занятая собственными размышлениями.

– Конечно! Новый манеж! Чистые опилки! Отличные стойла! А какие лошадки! Все породистые, ухоженные и здоровые. Даже старушки держатся молодцом! – радостно выкрикивала Леся, думая, что Кира переменяла свое мнение о лошадях.

– Я не о конюшне! – прошептала Кира, косясь на Димкину голову с безупречно подстриженным затылком. – Я о его новой жене!

– А-а-а! – тоже перешла на шепот Леся. – Видела, конечно. На свадьбе.

– Ты была на их свадьбе?

– Ну да. И ты тоже была.

– Я?!

– Конечно. Ты еще тогда так напилась, что свалилась с катамарана.

– Все происходило на катамаране? – удивилась Кира.

– Нет, в ЗАГСе, разумеется. Но после регистрации Дима повез всех гостей в Озерки.

– А! – вспомнила Кира. – Пикник у воды на шерстяном одеяле. Так это было свадебное застолье? Оригинально! А почему я полезла на катамаран?

– Не знаю. Ты вообще была какая-то странная в тот день.

– За тебя переживала.

– Ну вот и допереживалась до того, что познакомилась с какой-то чужой компанией. И с этими мужиками полезла на катамаран.

– Помню, вы нас потом всей свадьбой спасали, – кивнула Кира. – Слушай, но там не было невесты!

– Была! Сама подумай, что за свадьба без невесты?

– Не знаю. Но невесты там не было.

– Была!

– Не было никого в белом платье!

– Она и не была в белом платье! Она была в брюках и какой-то маечке. Как и все остальные!

– Но почему?

– Откуда я знаю? Они так решили. Свадьба на природе. И потому гости и жених с невестой оделись соответственно.

Кира снова покосилась на голову Димы, который и не подозревал, что разговор идет о нем самом, и невозмутимо вел машину. На этот раз Кира косилась на него с возмущением.

– Он что, такой бедный? Или такой жадный?

– Ни то ни другое, – заступилась за бывшего жениха Леся. – Он оригинальный!

– Да уж.

Кира понимала оригинальность несколько иначе. Вот если бы Дима устроил бракосочетание где-нибудь на дне Марианской впадины, оплатив заранее пребывание всех гостей в ближайшем клубном отеле, она бы первой согласилась считать его большим оригиналом и затейником. Но пикник на Суздальских озерах, куда только ленивый в жаркую пору не писает, – это ни в какие понятия об оригинальности не лезет! А теперь еще и это его увлечение конным спортом.

Тем не менее конюшня, куда они прибыли, в самом деле была хорошенькой, чистенькой и очень новой. Находилась она на окраине города. В лесопарковой зоне. И в то же время неподалеку от станции метро. Так что добирались до нее все желающие без проблем.

Лошади, Леся не соврала, были все словно на подбор. Высокие, здоровые и бодрые. На взгляд Киры, даже слишком бодрые. Например, ее серой кобылке, которую она облюбовала за тихий вид и на которую с опаской, но все же взгромоздилась, не мешало бы вести себя

чутьочку поскромней. И уж вовсе не нужно было стартовать с такой резвостью и без всякого предупреждения. И не стоило сразу же демонстрировать всю свою отпущенную природой и предками прыть. Да и сигать через барьер с полосато-красными палками и потом носиться по лесу диким галопом и с таким же диким ржанием тоже, на взгляд Киры, не было никакой нужды.

Но Звездочка все это проделала. Да еще с таким азартом, что Кира уже просталась с жизнью, когда полоумную скотину наконец изловили и остановили.

– Ну, с почином! – поздравила Киру невысокая молодая женщина, когда шустрюю Звездочку отловили и за узду привели к стойлу. – А ты молодец! Не упала. Из тебя выйдет толк!

Кира с трудом слезла с лошади, которая теперь снова казалась воплощением кротости и невинности. После безумной скачки, которая длилась всего-навсего пятнадцать минут, но которая показалась Кире вечностью, у девушки дрожали ноги, тряслись руки, и ей смертельно хотелось сделать хороший глоток коньяка, чтобы снять стресс.

– Нет, нет! – энергично запротестовала все та же худенькая невзрачная девушка, которая только что поздравляла Киру. – Тут пить не стоит. Лошади не выносят запаха спиртного!

– И что? Они могут выкинуть нечто похуже, чем эта ваша Звездочка? – прошипела в ответ Кира и глотнула из своей серебряной фляжки.

Стресс мигом снялся. Но подойти к лошади Кира теперь отказывалась наотрез.

– На первый раз достаточно! – уверяла она Лесю, наблюдая с безопасного расстояния, как подруга мерно трясется в седле совершенно чумового, на первый взгляд, коня.

У этого жгуче-вороного брюнета была лохматая длинная челка, закрывающая ему глаза, густая грива и длинный хвост. И его лоснящаяся шерсть так и сверкала под солнцем. А под кожей переливались стальные мускулы. И что бы вы думали? Это воплощение сатаны мирно прошагало по кругу, ни разу не сделав попытки не то что пуститься в безумную скачку, но даже не пожелав сменить свою плавную рысь на более активный аллюр.

– Я ничего не понимаю в лошадях, я ничего не понимаю в мужчинах, я ничего не понимаю в этой жизни, – с грустью констатировала Кира самой себе, наблюдая эту картину. – Даже удивительно, как я до сих пор жива.

В общем, настроение у Киры было так себе. Наблюдая за Лесей, она краем глаза заметила, как Дима о чем-то возбужденно говорит с Маней – своей женой. Судя по артикуляции и отдельным возгласам, пара ссорилась. А кукиш, который сунула под нос мужу маленькая Маня, не оставил в этом никаких сомнений.

– Ссорятся, – удовлетворенно произнесла Кира, наблюдая эту сцену. – Странно, что только ссорятся.

Но тут, словно в ответ на ее пожелание, Дима проорал что-то короткое и отвесил любимой жене смачную оплеуху. Кира охнула. Она ожидала, что Маня от удара улетит далеко в сторону. Но та оказалась крепким орешком. На ногах устояла и даже пнула мужа в пах. От полученного удара тот согнулся в три погибели. И из его рта полилась уж вовсе откровенная нецензурная брань.

– Дерутся! – с уже куда большим удовлетворением отметила Кира. – Так-так.

Сама Кира, если бы ей супруг устроил вместо шикарной свадьбы в ресторане пикник на траве у изрядно грязного пруда, просто убила бы жмота. Но, похоже, у Мани запросы были поскромней, а характер более сдержанный. Она прожила замужем за Димой целый год и даже чуть больше. И оба при этом до сих пор оставались живы.

– Кира! – отвлек ее голос подруги. – Кира, смотри на меня! Я скачу!

Кира оторвалась от созерцания супружеской драки, так и не поняв, за кем осталась победа. За маленькой, но дерзкой Маней, или все же за крепким, но не собранным Димой.

К этому времени Лесино занятие подошло к концу. Она спрыгнула на землю очень довольная. И принялась гладить и благодарить жеребенка. Точно так же поступили и осталь-

ные новички, скармливая лошадям морковь, соленые сухарики и прочее. Кира только презрительно фыркнула, глядя на эту идиллию. Предательницу Звездочку она угощать не стала. Еще не хватало! Кнута ей хорошего, а не пряников. А вот Леся скормила своему Черногриву целую сахарницу рафинада, прихваченного из дома.

– Ну как адреналин? – очень довольная, поинтересовалась она у Киры. – Бушует?

– У меня уже утих. А вот у кое-кого другого бушует.

– В смысле?

Кира перевела взгляд в ту сторону, где недавно видела Маню с Димой, и с удивлением обнаружила, что их уже и след простыл.

– Не могут они так сильно ссориться! – рассмеялась Леся над рассказом подруги. – Дима души в Мане не чаёт. Он сам мне об этом говорил. И не один раз!

– Не знаю, что он тебе говорил! Любящий муж таких слов жене не говорит! И по морде ее не лупит!

– Ты ошибаешься! – настаивала Леся. – Ты смотрела издали и не поняла. Они просто шутили.

– Ничего себе шуточки! Да она его так пнула, что даже мне больно стало! А я не мужчина. И тем более не Дима.

– Говорю тебе, они обожают друг друга.

– Видела бы ты, как они буквально десять минут назад обожали друг друга! Да я думала, у них до смертоубийства дойдет!

Леся ничего не ответила. Лицо у нее внезапно расплылось в приветливой улыбке. И смотрела она теперь не на Киру, а куда-то за ее спину.

– О чем вы говорили? – раздался приветливый голос.

Кира быстро обернулась и едва не ахнула. Сзади нее стояли Дима и Маня. Рядышком! Под ручку! Улыбаясь друг другу, словно в самом деле были влюбленными новобрачными, только что вставшими с любовного ложа. От подобного зрелища у Киры буквально глаза на лоб полезли. Она придирчиво всмотрелась в Маню, надеясь обнаружить у той на лице признаки недавней ссоры. Покрасневшие от слез глаза, припухшую от удара щеку. Но нет! Не было ничего, даже намёка на нервозность. Маня улыбалась совершенно счастливо, как и полагается молодой жене, чей любимый находится при ней рядом.

– Что же вы тут? – проворковала Маня, глядя на подруг. – Стол уже накрыт.

– Стол? – окончательно оторопела Кира. – А что мы празднуем?

– Ничего. Просто легкий ужин для долгожданных гостей.

– Вы нас ждали? – удивилась Леся.

– Очень! Дима мне все время про вас рассказывает!

– Надеюсь, хорошее?

– Только хорошее! Он вас так любит!

Леся обрадованно защебетала слова благодарности. А у Киры по коже прошла неприятная холодная дрожь. Да что же такое происходит? С каких это пор жены стали лучшими подругами бывших любовниц, которых мужья к тому же приглашают в гости? Или в мире поменялись все понятия, а Кира не заметила и безнадежно отстала от жизни? Но нет, не может быть! Ревность еще никто не отменял. А Маня, если все то, что она рассказывает, верно, должна была уже если не свихнуться от ревности, то, во всяком случае, возненавидеть Лесю. Однако вместо этого зовет ее в гости. Ой, не к добру это. Точно, не к добру!

Стол был накрыт в административном домике. Он оказался маленьким, но вполне комфортабельным и обустроенным для того, чтобы жить тут круглые сутки и даже круглый год. Тут имелись санузел с душем и горячей водой, спальня, небольшая гостиная, она же столовая и кухня.

– Как говорится, в тесноте, да не в обиде! – радостно провозгласила Маня, указывая на крохотный круглый столик, заставленный тарелками с закусками.

Четверо за ним все же уместились, хотя и с трудом. Собственные тарелки приходилось уже держать на коленях. Хорошо, что они оказались одноразовыми, из цветного картона. Зато Маня оказалась посредственным кулинаром и плохой хозяйкой, так что угощение состояло из уже порезанного копченого мяса, которое она только что извлекла из вакуумной упаковки, поленившись даже разделить слипшийся пласт на отдельные кусочки. То же касалось сыра и даже соленой рыбки. И салаты Маня не потрудилась переложить в салатницы. Скорей всего, оных в ее по-спартански обставленном домике и не имелось. Так что салаты так и стояли в своих фирменных пластиковых коробочках.

Но проголодавшиеся на свежем воздухе подружки набросились на еду с жадностью львиц. Им было все равно – сама ли Маня простояла у плиты несколько часов, чтобы приготовить это угощение, или купила его в ближайшем супермаркете. Какая, в сущности, разница? Даже хорошо, что, не умея готовить, Маня и не пыталась освоить эту науку.

Слава богу, ушли в далекое прошлое времена наших несчастных бабушек, которые не знали, что такое обед из полуфабрикатов. И, обливаясь потом, собственноручно лепили пельмени и стругали лапшу, убивая на это занятие драгоценную молодую и такую прекрасную жизнь, которую могли бы в противном случае посвятить путешествиям, общению, философским размышлениям о смысле жизни и прочим приятным мелочам.

А вот Дима неожиданно закапризничал:

– Почему рис в салате такой странный, недоваренный, на зубах хрустит? – ныл он. – Сколько дней этой рыбе? Колбаса совсем задубела. Маня, ты что, хочешь меня опозорить?

– Милый, я не виновата, – оправдывалась жена. – Я всегда покупаю еду в этих супермаркетах. И всегда все было отлично.

– И сегодня отлично! – подтвердила Леся, смакуя рыбку.

– Вше очень вкусно, – прошамкала Кира, поддерживая подругу.

Казалось бы, чего Диме еще нужно? Гости довольны. Ешь и молчи. Но нет, Диме уже попала шлея под хвост. И он завелся.

– Еда должна быть приготовлена профессионалом! Если ты этого сама не умеешь, то какая ты после этого женщина? Черт, Машка, возьми уроки кулинарии у Леси!

Леся, которая в этот момент жевала вполне даже вкусный бутерброд с семгой, едва не подавилась. И со страхом покосилась на Маню. Что сейчас будет? Смртоубийство? Цунами? Погром? Ведь Мане ее закапризничавший муж только что нанес жуткое оскорбление, прилюдно выставив ее неумехой, да еще поставив ей в пример свою бывшую любовницу.

– Ой, – едва справившись с семгой, воскликнула Леся, торопясь сгладить казус. – Не слушай его, Машенька! Он же ничего не знает! Я, вообще-то, не готовлю. Все моя мама!

– Верно! – поддержала подругу Кира. – Все ее мама! Приезжает и готовит.

Но Дима не унимался.

– Не врите! Леся сама мне пекла блинчики! Ах, что за блинчики были! Пышные, высокие, воздушные. Тесто на зубах тянется и тут же тает. А варенье!

– Варенье покупное! – выкрикнула Леся. – И вообще, не было такого. Ты меня с кем-то путаешь.

– Еще как было! Сама же меня в гости тогда позвала. На Масленицу.

Леся побагровела. Маня тоже. Кира перевела испуганный взгляд с одной женщины на другую и поняла, что произошло. На прошлую Масленицу Дима еще не успел порвать с Лесей, но уже ухаживал за Маней. Вот в чем дело.

– И начинки были восхитительные! – продолжал настаивать идиот Дима. – Соленые с икрой, а еще с селедкой, с яйцом и сметаной. И сладкие с клубничным джемом, с медом, с творогом. Объедение, а не блины!

– Я их купила за пять минут до твоего приезда, – из последних сил соврала Леся, истощив на этом свое воображение.

Но следующий вопрос Димы поставил ее в тупик:

– Где? Где ты могла купить блины и начинку к ним?

Но, к счастью, у Леси была подруга. И Кира пришла ей на выручку.

– А в нашем парке и купила! – быстро произнесла она. – Народное гулянье на Масленицу бывает, знаешь о таком? Вот там Леся и отоварилась.

– Где? Прямо в парке?

– Ну да, в ларьке. Взяла блины прямо с пылу-с жару и домой принесла.

– И начинки тоже?

– Конечно!

Маня, просидевшая молча все время этого диалога, поднялась и принялась собирать использованные тарелки.

– Сейчас будет горячее, – только и произнесла она.

– Надеюсь, мое любимое запеченное мясо омара с грибами и моллюсками? – ядовито поинтересовался у нее Дима.

– Кура-гриль, дорогой.

– Я помогу тебе ее нарезать! – вызвалась Кира.

Леся тоже вызвалась помогать – мыть тарелки. Ничего умней, чем мыть одноразовую картонную посуду, ей в голову не пришло. Дима же по-хозяйски вольготно расположился на стуле, закинув ногу на ногу. И ковырялся в зубах осиновой зубочисткой.

– Спасибо вам, девочки, – неожиданно прошептала Маша. – Только не стоило за меня так заступаться. Дима на самом деле вовсе так не думает. Про готовые блины.

– Конечно, не думает! – с жаром подхватили подруги. – Он тебя очень любит!

В глазах Мани сверкнуло что-то похожее на надежду.

– Он вам сам так сказал?

– И не один раз!

Но Маня не попалась на удочку.

– Не знаю почему, но я вам не верю, – покачала она головой.

И, вытащив курицу из пакета, принялась крошить ее на мелкие-мелкие кусочки. Нож так и мелькал в руках у Мани, приводя подруг одновременно в восхищение (ведь может же, когда хочет!), а с другой стороны, даже в какой-то трепет.

Наконец курица была разделана, а точнее, раскрошена. И Маня торжественно, залив ее кетчупом, понесла к столу. К счастью, у Димы пропала охота бурчать. Он молча сжевал ножку. Невнятно пробурчал «спасибо» и принялся пить пиво. Молча. Маня тоже молчала. Лишь сдавленно отвечая «да» или «нет» на вопросы своих гостей.

В общем, подруги были рады, когда им все же удалось выбраться из-за стола.

– Уф! Никогда еще так не уставала во время еды, – пожаловалась Леся, когда они с Кирой ковыляли на полусогнутых ногах до дороги.

От конюшни до проезжей части было от силы метров пятьсот. Но непривычные к физическим нагрузкам подруги после катания на лошадях чувствовали себя так, будто им предстоит преодолеть по меньшей мере километров пятьсот.

– Может быть, нас кто-нибудь подвезет? – простионала Кира. – Почему Дима с нами не пошел?

– У Мани еще какие-то дела на конюшне. Она должна остаться. И Дима, конечно, захотел быть с ней.

– А я не поняла, они там в этом домике и живут? Постоянно?

– Это жильё Маши. А у Димы в городе новая квартира. Помнишь, я тебе про нее еще рассказывала?

– А! Конура с совмещенным санузлом, без ванны и с одной огромной кухней. Рассказывала. Верно.

– И вовсе у него не так.

– Что? Ванну установил? – ехидно хмыкнула Кира.

Но Леся была настроена снисходительно к своему бывшему жениху.

– Зачем обязательно ванна? У него есть душевая кабинка с гидромассажем. А кухню он почти не использует. Предпочитает питаться в ресторанах или заказывать готовые блюда оттуда на дом.

– Заметно, – проворчала Кира. – Маня тоже не большая охотница кулинарить.

– У нее бизнес. Ей некогда!

– А что ты так за нее заступаешься? – удивленно спросила Кира и даже остановилась.

С одной стороны, ей хотелось передохнуть. А с другой, – хотелось посплетничать.

– Можно подумать, вы с ней подруги!

– Не знаю, – вздохнула Леся. – Теоретически я должна была бы ненавидеть Машку.

Отбила у меня жениха, и все такое. Но не могу. Мне ее жалко.

– Жалко?

– Ну да. Я-то ведь знаю, какое дерьмо этот наш Дима. А теперь я вижу, что с ней он обращается ничуть не лучше, чем когда-то со мной. И зная, что он способен довести женщину до белого каления, мне Машку жалко.

– Теперь понятно.

И Кира снова двинулась вперед.

– А что, когда вы были с ним вместе, он тебя тоже упрекал, что ты не умеешь готовить? – спросила она у подруги.

– Представь себе, да! И много раз! А уж про те блинчики на Масленицу, про которые он рассказывал сегодня с таким упоением, я наслушалась столько гадостей, что чуть ему на башку кастрюлю с тестом не нахлобучила.

– Понятно. Вполне в Димином духе.

К этому моменту подруги дошли до дороги. Остановили первую же попавшуюся машину и, не торгуясь, поехали домой. Смыть с себя конский запах и отдохнуть. А главное, приходиться в себя после ужина со счастливой семейной парой. Чувствовали они себя при этом так, словно весь вечер ворочали тяжелые камни. О ночном клубе, куда они намеревались поехать, речи даже не шло.

– Тут рукой не пошевелить, какие уж там танцы! – простонала Кира.

И едва оказалась дома, приняла горячий душ и завалилась в постель с томиком любовного романа. Картинка на обложке сулила неземную страсть между чернявой девицей в рванине и красавцем герцогом в латах. В конце, как предвидела Кира, они должны были обрести счастье, поженившись. Обычно такая концовка устраивала Киру полностью. Но на этот раз, отложив зачитанную книжку, она впервые задумалась.

А как сложилась судьба бедной цыганочки? Наверняка супруг герцог потом всю жизнь шпынял ее за то, что она голодранка. Да и досталась ему не девственницей, а после того, как ее попользовал весь табор. И что? Будет бедная девочка счастлива с таким мужем? Определенно нет. И какой выход? Разводы в те времена не признавались. Значит, либо она должна была ждать, когда ее деспот сыграет в ящик естественным путем, но это могло занять много времени, герцог на картинках выглядел крепышом, либо помочь ему туда отправиться.

Под эти странные мысли Кира и заснула. И сон, который ей приснился, был еще более странным. Она находилась у себя дома. Но тут было полным-полно незнакомых Кире людей, которых она даже не помнила, а уж чтобы приглашала к себе в гости... Но тем не менее самозванцы устроились у нее по-домашнему и чувствовали себя вполне вольготно.

Единственным знакомым лицом в Кирином сне был Дима. Он валялся на Кириной тахте и объяснял, как хорошо, что она послала его в Амстердам, он там наконец избавился от надоевшей ему татуировки на плече. И в качестве доказательства он даже демонстрировал фотографии, где были запечатлены различные стадии уничтожения татуировки. Кира смотреть на свисающие обожженные лохмотья кожи не хотела. И смотрела на двух девочек трех и пяти лет, которые весело прыгали тут же на тахте.

– Это мои дочки, – с нежностью произнес Дима. – А вот их мать.

Мать была существом крупным, черноволосым и черноглазым. Больше всего она напоминала невозмутимую тюлениху или самку морского котика. Она обнимала Киру за плечи.

– Уединимся? – неожиданно предложил Дима Кире. – Ты понимаешь, о чем я?

Кира возмутилась. И покосилась на мать Диминых дочек. По квартире еще сновало энное количество престарелых Диминых родственниц – бабушек, тетушек и даже его крестная мама. Но главное – жена. Как он может предлагать Кире подобное при ней? И кстати, откуда взялась эта толстуха? Ведь у Димы другая жена – Маня. И детей у них пока что нет.

– Я железная женщина, – произнесла тем временем толстуха. – И ради мужа готова на все. Иди с ним. У нас с ним уже давно не было интима. Его ко мне не тянет. Но ведь он мужчина. Ему нужно. И если ему будет хорошо с тобой, то и мне прекрасно.

И она, как показалось Кире, даже подпихнула ее к Диме. На этом сон и кончился.

– Полный дурдом! – вырвалось у Киры совершенно искренне. – Надо же! Приснится же такое!

И тут она поняла, что проснулась не сама по себе. Ее разбудил яростно трезвонящий телефон. Выбравшись из кровати, Кира резво проскакала в коридор. Ночью Кира спала с открытыми окнами. И в квартире было прохладно. Во всяком случае, у Киры зубы тут же стали выбивать азартную дробь.

– Алло! – ежась и стуча зубами, произнесла Кира в телефонную трубку. – Кто это?

– Это я! – раздался тихий женский голос. – Маня! Вы были сегодня у меня в гостях.

– Как... Ах, Манечка! Привет! Что случилось?

– Кира, приезжай!

– Куда?

– Приезжай, Кира, – повторила Маня. – Мне кажется, я его убила!

Глава вторая

Первым побуждением Киры было повесить трубку, забраться обратно под одеяло и сделать вид, что все это просто глупая шутка. Но тут же она устыдилась своего малодушия. И она попыталась прояснить ситуацию:

– Кто убил? Кого? – попыталась прорваться она сквозь женские рыдания. – Алло! Маня, ты меня слышишь?

– Я убила! Кажется! Не знаю, как это произошло! – прорыдала Маня. – Он на меня снова набросился с упреками. И я... я не выдержала.

– Что ты сделала?

– Я его стукнула! Я его и раньше била. Он всегда оставался жив. Не знаю, что такое случилось сегодня. Но он упал... И не двигается!

– А он дышит?

– Нет. Кира, приезжай! И Лесю привози! Я не знаю, что мне делать!

И снова рыдания. А потом в трубке раздался вскрик. И записка короткие гудки. Кира заметалась по квартире, не зная, с чего начинать. Позвонить и вызвать машину «Скорой помощи»? Наверное, Маня это уже сделала. И вообще, она просила не врачей, а их с Лесей помощи. Так что же делать? Машинально Кира хватала попадающиеся ей под руку вещи и наплевала их на себя. А одевшись, помчалась к Лесе.

О том, что подруге можно просто позвонить, она даже не подумала. Но до того ли ей было! Мысли в голове бились словно вспугнутые птички в слишком тесной для них комнате.

– Откуда у Маньки мой домашний номер? – пыталась сообразить Кира, прыгая по лестнице через три ступеньки – ждать лифта она тоже не могла. – Почему она позвонила именно мне? Даже не Лесе, с которой у нее все-таки больше общего, а именно мне? Где эта Маня сейчас? И кого она там убила?

Впрочем, на два последних вопроса Кира знала подходящие ответы. Скорей всего, прикончила Манька своего собственного мужа. И случилось это все там же в домике возле конюшен. Но вот при чем тут Кира и Леся? С этим вопросом Кира и позвонила в дверь подруги.

– Боже! Что случилось? – ахнула Леся, узрев на своем пороге Киру, на которой были надеты светлые летние шорты, а сверху теплый длинный свитер, который подруга привезла из Норвегии и в котором можно было спать на снегу – такая в нем была густая и толстая шерсть. В придачу на ногах у Киры она рассмотрела кроссовок на правой и старый тапочек на левой.

– Откуда ты догадалась, что что-то случилось? – подозрительно спросила Кира.

Вместо ответа Леся молча подвела подругу к зеркалу. И поставила напротив него. Увидев, как она выглядит, Кира ужаснулась. И принялась тут же стягивать с себя свитер и отбрыкиваться от тапочка. Приведя себя более или менее в порядок, она изложила Лесе суть случившегося.

– И что нам теперь делать? – таким вопросом закончила она свой рассказ.

Но у Леси на этот счет не было никаких сомнений.

– Немедленно едем!

– Куда?

– К Мане!

– А почему бы не поехать сразу в милицию? В данной ситуации это было бы разумнее.

Леся уставилась на подругу долгим взглядом.

– Тебя Маня просила привезти с собой ментов?

– Нет, но...

– Ну и нечего проявлять самодеятельность! Поедем. И на месте все решим. Твоя машина на ходу?

– Обижаешь!

Кирин нежно-розовый переливающийся перламутром «Гольфик» стоял во дворе прямо у нее под окнами. Гаража у Киры не было. Но она надеялась, что гламурная расцветка машины отпугнет от него серьезных грабителей. Они, как известно, люди суровые. И им раскатывать на машине с такой дикой раскраской резона нет. Да и вообще, если быть откровенной, то, кроме цвета, в «Гольфике» не было ничего особо ценного.

В общем, возиться потом с его переокраской разбойникам было бы себе дороже. Кирин расчет в какой-то степени оказался верен. Машина простояла во дворе уже почти полгода. И никто до сих пор на нее не покусился. Только местные хулиганы регулярно писали неприличные слова на розовом чуде, привлекая их внимание. И Кира так же регулярно смывала или сметала (в зависимости от сезона и от того, какая погода стояла на улице) эти слова со своего железного конька.

– Куда приятней ездить в машине, чем верхом на лошади, – заметила Леся, запрыгнув на мягкие сиденья «Гольфа». – Ты согласна?

– Еще как. Машина по, крайней мере, предсказуема. Если у нее тормоза или руль откажут, так она перед этим двадцать раз наекнет на это. А лошади... у них сплошной ветер в голове.

К конюшням подруги приехали, когда было еще темно. Чем ближе к осени, тем темней становились ночи. Но они хорошо запомнили дорогу. И теперь им не составило труда пройти по лабиринту многочисленных хозяйственных построек и найти среди них домик Мани.

– Тук, тук! – постучала, приговаривая от волнения, Кира.

Ни ответа ни привета.

– Тук! Тук! Тук! – постучали уже обе подруги и уже куда настойчивей.

Та же реакция. И тогда они постучали совсем громко. А когда дверь все равно не открылась, полезли в открытое окно. К счастью, оно находилось относительно невысоко над землей. Сторож, который полагался по штату, дремал в конюшне вместо того, чтобы бродить всю ночь с берданкой по территории манежа. Так что им некому было помешать.

Оказавшись в домике, они включили свет. И сразу же увидели Диму.

– Ой! – вырвалось у Киры. – Это как же она его так?

Вся голова у бедняги была залита кровью. А сам он стонал и слабо подергивался.

– Так он жив! – прошептала Леся.

Причем Кира так и не смогла понять, что в ее голосе прозвучало явственной – радость или досада. Но мешкать было некогда. Страдалец и так дышал из последних сил. Кира бросилась вызывать врачей. А Леся – искать Маню. Она обыскала весь домик, на что у нее ушло совсем немного времени. Усердно заглядывала в шкафы, под кровать и в прочие укромные уголки, куда могла бы забиться перепуганная Маня. Никого!

– А входная дверь, между прочим, заперта изнутри, – произнесла Кира, которая уже вызвала «Скорую» и по телефону получила от них указания: ничего не трогать, а только контролировать наличие сердечной деятельности и дыхания у пострадавшего.

– Угу.

– И куда могла деться Маня?

– Выпрыгнула в окно?

Кира пожала плечами. Если они смогли в это окно влезть, то спортивная Маня, конечно, вполне могла из него выпрыгнуть. Но вот только зачем?

– Зачем, зачем! – воскликнула Леся. – Да просто так! Ты же сама мне сказала, что Маня была не в себе!

– Да.

– Ну и все! Напугалась и выпрыгнула!

– А вот это откуда?

И Кира указала на белую тряпочку, которую Леся вначале приняла за полотенце. Но это оказалась маечка, украшенная картинкой с двумя веселыми голенастыми жеребятами. Именно эта майка красовалась на Мане во время сегодняшнего злополучного ужина. Сейчас она выглядела помятой. И к тому же на ней темнело какое-то бурое пятно.

– И что? Маня вытирала своей майкой кровь на Диме?

– Посмотри получше. Что еще видишь?

Леся посмотрела.

– Ну, дырка над головой у одного жеребенка.

– Не просто дырка, а порез. Словно кто-то ткнул ножом Маню в грудь или под ключицу. И кровь из раны скопилась как раз в этой области. Видишь, больше крови нигде нет. Майка совершенно чистая и целая, если не считать места, где порез.

Теперь Леся тоже заметила странность. Если бы на майке была кровь Димы, то это бы выглядело совсем иначе. А так... Да, Кира права.

– Что же тут произошло?

– А все очень просто, – ответила Кира. – Твой Дима напал на жену. Она отбивалась. Он разозлился. Схватил нож и ударил ее.

– А потом? Куда он дел тело?

– Он ее не убил, – терпеливо произнесла Кира. – А только ранил. Мертвые по телефону не звонят. А Маня мне звонила. И какой из этого вывод?

– Вывод тот, что она хотя и была ранена, но ранена легко.

– А Дима?

– Мужу досталось от нее на орехи. Машка даже думала, что убила мужика.

– И что?

– Переделась, перевязала рану и удрала.

– Куда?

– Вот этого не знаю! Но удрала, это факт.

– А мы? – заволновалась Леся. – Не пора ли и нам уматывать? А то мы тут... всюду кровь... Дима опять же без всякого желания прийти в себя. Пошли, а?

Кира и сама придерживалась того же мнения. Врачей они вызвали. Можно бы и уходить. Но...

– Но мы не можем оставить его одного, – произнесла она, указывая на тело Димы. – Врачи велели контролировать его дыхание.

– И что толку? Если он вздумает сейчас умереть, чем ты лично ему поможешь?

– Подержу за руку.

Это прозвучало так естественно, что Леся устыдилась своего порыва. И в самом деле, это ее жених кончается на полу. Пусть и бывший, но ведь жених. Значит, это она должна сидеть подле него и контролировать его вздохи, каждый из которых может стать последним.

Леся так и сделала. Села и стала контролировать. А Кира отправилась в ванную, чтобы смыть кровь с рук. И едва Кира ушла, как Дима начал бредить.

– Котик, – прошептал он. – Котик, ты меня звала?

Леся молчала. К кому он обращается? А Диме тем временем приспичило поделиться со своим котиком наболевшим:

– Котик, обещаю тебе, мы будем вместе. Ты и я! Я и ты! А эта дура, моя бывшая жена, уберется из нашей жизни! Я тебе обещаю!

Леся замерла от ужаса. Нет, верно в народе говорят – черного кобеля не отмыть добела. Вот и ее Димочка все тот же! Бабник! Женился, а что изменилось? Оказывается, Мане он тоже изменял с каким-то котиком, который, скорей всего, и не котик вовсе, а кошечка.

– Котик, ты должна мне верить, – жарко шептал Дима. – Я все устрою. Она уедет! А мы с тобой останемся. Я уже и тур им купил. Они уедут. Не бойся. Уже все продумано. Та женщина, она сначала залезет в каюту, все там сделает, а потом избавится от улики.

Тут он засмеялся. Нехорошо так засмеялся. Со скрипом и свистом. Даже Кира, которая вышла в этот момент из душевой, недоуменно замерла у дверей, вслушиваясь в неприятные звуки.

– Как избавится? А очень просто! Лодочка-то перевернется! – продолжал откровенничать Дима с неизвестным подругам «котиком». – Нет, проблем не будет. Говорю тебе, обе они погибнут. А что в этом странного? Многие погибнут. Где легче всего спрятать дерево, правильно – в лесу, среди других деревьев. Ну, теперь ты довольна, курочка? Да, туда им и дорога. А мы с тобой останемся. И все, что было их, станет нашим!

Подруги испуганно переглянулись. Что это? Бред умирающего? Или план еще одного преступления? Но о ком говорит Дима? Кто поедет отдыхать и не вернется? Ясно, что одна из этих «счастливиц» – Маша. А вот кто вторая? И что значит фраза: «Все их станет нашим»? О чем это идет речь?

Но расспросить Диму подругам помешали доктора. Они явились, как всегда, некстати. Леся еще со школьных лет заметила, что врача можно ждать часами, изображая из себя безнадежно больную. Но стоило маме заварить для болящей дочурки вкусного чаю с лимоном, поджарить курочку и стоило Лесе сесть в кровати, выклянчив разрешение включить на двадцать минут телевизор, как доктор – вот он, тут как тут. Стоит на пороге и садистски улыбается. И извольте выключать телевизор, откладывая в сторону курочку и оставлять чай остывать.

Вот и прибывшие доктора улыбались, как показалось подругам, также садистски. И вопросы они начали задавать самые неудобные:

– Ну и кто из вас его так отделал? – спросил врач, едва тело Димы погрузили на носилки.

– Мы тут ни при чем! Когда мы пришли, он уже лежал тут.

Врач многозначительно посмотрел на часы, которые показывали половину шестого утра. Потом на окровавленный пол, где только что загибался Дима. А потом снова перевел тяжелый взгляд на подруг.

– Учитывая, что на пострадавшем имеется характерное ножевое ранение и, кроме того, ему нанесен по голове сильный удар тяжелым тупым орудием, а других свидетелей нет, да и вы не знаете, как все произошло, я вынужден сообщить о случившемся в милицию.

– А мы тут при чем?

– В милиции разберутся!

Вот так и получилось, что утро подруги встретили совсем не так, как намеревались. Не в собственных уютных кроватках, а на тюремных нарах. Собственно до нар дело не дошло. Менты проявили редкостную сознательность и порядочность. И не стали довольствоваться первыми попавшимися подозреваемыми, чтобы сделать из них преступников и отправить за решетку. Вместо этого они, приехав к Мане домой, проверили, был ли совершен с ее телефона звонок на домашний аппарат Киры.

Впрочем, сами подруги в этом большого смысла не видели. Ведь Кира и сама могла бы, убив Диму, позвонить к себе домой, чтобы обеспечить какое-никакое прикрытие. Но ментам подруги о своих рассуждениях ничего не сказали. Они же не дурочки! Хотя менты оказались очень даже симпатичные. Милые такие ребята. Чутьочку дубоватые, но при этом старательные и усердные.

– А телефон вашей знакомой у вас самих есть?

До подруг медленно доходило, что менты имеют в виду Машу.

– Есть! – обрадовалась Леся. – Есть! Есть!

– А позвонить вы ей не пробовали?

– Нет!

– А почему?

Этот вопрос поставил подруг в тупик. В самом деле, почему? Не сообразили. Голова другим занята была. Не каждый день полумертвых знакомых с окровавленными головами находят. Не привыкли.

Впрочем, телефон Мани был то ли выключен, то ли вообще уничтожен. И менты приступили к осмотру места преступления.

– Даже удивительно, какие молодцы! – прошептала Кира. – Экспертов вызвали! С целым чемоданчиком прибабасов!

– Ага. И фотографа!

Следственная группа работала дружно. И очень скоро стало ясно, что кроме Мани, Димы и двух подруг в домике этой ночью побывал еще один человек. Его следами было буквально усеяно все вокруг.

– И вокруг дома он бродил. И внутрь зашел.

– Как зашел?

– Обыкновенно. Через дверь.

– А кто это был? – продолжала интересоваться Кира.

– Мужчина или женщина? – конкретизировала вопрос Леся.

– Следы тридцать девятого размера, – пожал плечами эксперт. – Так что могут принадлежать как не крупному мужчине, так и рослой женщине. Но лично я склоняюсь к мысли, что это был мужчина.

– Почему?

– По отпечатку подошвы. На нем суровые ромбы. На женских подошвах обычно изображают что-то более легкомысленное. Звездочки, какие-нибудь цветочки или листочки.

Подруги покосились на собственные подошвы. Верно, у Киры оказались звездочки. А у Леси ушастые зайчики.

– Где ты только покупаешь такую обувь? – проворчала Кира, так как в данный момент была в спортивных тапочках Леси (свою собственную распаренную обувку она оставила дома у подруги до лучших времен).

– В «Заневском каскаде».

– И что, там она вся с такими узорчиками?

– Не знаю, – откликнулась Леся.

– А что еще там было?

– О! – оживилась Леся. – Там же распродажа летних коллекций.

– Всех? – замерла Кира.

– В каждом магазине скидки.

– Ай!

– До семидесяти процентов.

– Ой!

– Вот эти черевички, которые на тебе, я купила всего за триста рубликов вместо положенных пятисот.

– Ах! И ты молчала!

– Я забыла.

– Такие вещи нельзя забывать! Не сказать лучшей подруге о начавшейся распродаже! – убивалась Кира. – Я тебе этого не прощу!

– Кира, я собиралась, честное слово!

– Не верю!

– Кира! Не злись! Тебе нравятся эти тапочки, которые на тебе?

– Шутишь? Да они просто чудо! Мягкие, ходишь, словно босиком. Ноге приятно. И вид прикольный.

– Бери их себе! Дарю.

Некоторое время Кира молчала, осмысливая размер щедрости подруги. Но потом на ее лицо вновь набежала туча.

– Ага, мне даришь одну пару. А сама сколько купила?

Леся попыталась спрятать глаза, но получилось только хуже.

– Сколько? – допытывалась у нее Кира. – Пять пар? Нет? Больше? Шесть? Тоже нет? Семь? Нет?! Леся, ты меня убиваешь! Неужели десять?

– Двенадцать, – прошептала Леся, чувствуя себя последней негодяйкой.

Кира замолчала, не в силах осмыслить силу нанесенного подругой предательского удара. Этим молчанием воспользовался эксперт. Он уже некоторое время тщетно вслушивался в разговор двух подруг. Но затем, отчаявшись уловить в нем хоть какой-то смысл для расследования, перебил:

– Дорогие девушки, вам интересно выслушать меня насчет преступника или вы продолжите обсуждать проблему с обувью?

– Конечно, нам интересно вас слушать!

– Так вот, злоумышленник долго отирался возле дома. Должно быть, ждал, когда пострадавший уснет.

– Или просто подслушивал.

– Возможно, – согласился эксперт. – Но, так или иначе, он провел около дома около часа. Думаю, есть шанс, что его могли увидеть и запомнить.

Этот вывод заставил ментов двинуться в сторону конюшни, разбудить тамошнего сторожа, который дремал в обнимку с пустой винной бутылкой, и растряссти того.

– Какая баба? – щуря осоловевшие со сна глаза, бормотал пожилой дядька. – Не было тут никакой бабы. Аньку звал, Верку звал, Ленке, хотя она и шалава, тоже позвонил. Так все словно сговорились. Дружно так выступили. Не можем, критические дни. Вот стервы! Никакой любви от них не дождешься. Пришлось вот бутылку взять. Не одному же дежурство коротать.

– Видим, как вы дежурили! – фыркнул один из оперов. – Вы хоть знаете, что мужа вашей хозяйки этой ночью тяжело ранили!

– А она сама пропала! – добавил второй.

– Как пропала? – распахнул глаза сторож. – Куда пропала? Завтра же зарплата! Да какое завтра! Сегодня уже должны были заплатить. И куда она пропала?

– Пока не знаем.

– Это что же – я целый месяц тут задарма горбатился? – продолжал убиваться сторож. – Ну нет! Не выйдет! Надо ее найти!

– Очень дельное замечание. И вы знаете, где именно? Где она проживает?

– Да тут и проживает. Домик у нее за конюшней. Там они с мужем и живут.

– Там никого нет. Где еще она может быть?

– Так у мужа!

– Он в больнице. При смерти.

– Ой, горе какое! – схватился за голову сторож. – И с этого зарплату не поимеешь. Помирает он, видите ли! Ясное дело, не до моей зарплаты ему. Ой, беда! Вот что с простыми людьми эти олигархи делают!

– Нам бы насчет вашей хозяйки, – напомнил ему тот же оперативник.

– Так у мужа она должна быть. В городе. Там у него квартира.

Подруги радостно переглянулись. Пьяница сторож попал в десятку. Точно! У Димы в городе есть квартира-студия. В красивом новом доме на улице Королева. Конечно, жуткие пустыри, но у подруг машина. А на машине они туда в два счета доберутся. К тому же у девушек было явное преимущество перед милицией. Подруги знали точный Димин адрес, а вот менты – нет. И пока они его узнают, могло пройти много времени.

И, отойдя в сторону, подружки принялись шушукаться.

– Поедем к Диме домой. Спорю, что Манька там прячется. Больше нигде.

– Да, она там. Но зачем нам-то с тобой туда ехать?

– Поговорим с ней. Если это она Димку убила, то пусть идет к ментам и кается. А в бега пускаться нечего. Все равно найдут.

– Глупо. Не пойдет.

– Пойдет, как миленькая! – рыкнула Кира. – А то, ишь, хитренькая! Приезжай, Кира! Спасай меня! А про то, что менты на тебя или меня подумать могут, у нее в голове не зашевелилось!

– Ну да, они могут заподозрить нас, – признала неприятную правду Леся.

– Могут! Да они нас уже заподозрили!

– Ой! – испугалась Леся. – Неужели?

– А то ты не видела, какими глазами на нас их старший смотрит? Это остальные там про какую-то дылду с тридцать девятым размером судачить могут. А этот – тертый калач. Мигом на нас с тобой нацелился.

– Почему?

– Да потому, что мы с тобой уже тут, готовенькие и тепленькие. А эту дылду или дылдона еще поискать надо. Да и неизвестно, существует ли такая дама на самом деле или это вообще мужик. Ты же слышала, что сказал эксперт. Никакой ясности в этом вопросе.

– Надо спросить у Мани. Она должна знать, кто тут еще был ночью.

– Вот именно! Найдем ее и спросим!

И с этим решением подружки попытались улизнуть из лап милиции. Им это удалось с превеликим трудом. Старший оперуполномоченный никак не хотел расставаться с подругами. И вовсе не потому, что так прикипел к ним душой и сердцем. Вовсе нет. Кира угадала верно. Он видел в подругах двух верных подозреваемых. И отпустить их не торопился.

– Вот наши адреса, – втолковывала мужику Кира. – Вот телефоны. Вот паспорта! Вы не можете задержать нас только за то, что мы оказали раненому первую помощь.

– Вы мне мои права не объясняйте. Я их лучше вашего знаю!

– Вы можете задержать нас только на три часа. Но это время давно прошло! Мы тут с вами куда больше прокантовались. Теперь либо предъявляйте нам обвинение, либо отпускайте.

Судя по лицу, оперуполномоченный ужасно хотел оставить подруг в своем распоряжении. Но в их пользу говорило то, что они дождались врачей. И в конце концов менты приняли решение: если бы подружки хотели смыться, то могли это сделать. Времени у них было достаточно. А раз дождались врачей, а потом и милицию, следовательно, руки у них чистые, а помыслы и того чище.

– Ладно, езжайте, – снизошел оперативник. – Но из города ни ногой! В любой момент могу вас вызвать для дачи свидетельских показаний.

– Да мы уже рассказали вам все, что знали.

– Мало ли. Вдруг еще чего-нибудь вспомните.

– Вспомним, вам позвоним первому.

И с этим лживым заявлением подружки оставили старшего лейтенанта в тяжелых раздумьях, правильно ли он поступил, отпустив подружек. А они, не теряя даром драгоценного времени, помчались на улицу Королева. Нужный им дом они отыскали сразу же. А вот дальше началась какая-то ерунда. Вместо Мани из двери квартиры появилась заспанная круглая физиономия какой-то девахи.

– Не-а, – помотала она головой. – Димки тут уже неделю не было.

– А ты кто такая?

– Сеструха я его! Трюродная. Из Таганрога приехала. Поступать.

Куда поступать, когда на днях в городе ожидалась осень и все вступительные экзамены давно закончены, подруги даже не спросили. У девицы на лбу аршинными буквами была написана вся ее дальнейшая судьба. Троюродный Димка очухается, встанет с больничной койки и выставит сестрицу с занимаемой ею площади. И куда деться дурехе? Назад в Таганрог не поедет. Стыдно. Пойдет работать. А так как платят всюду мало, а работать без специальности приходится много, то и пойдет эта девушка в массажистки. Тем более что фактура у нее для этой работы самая подходящая. Белая и сдобная. Глаза голубые, а попа большая.

– А Маши тут не было?

– Не-а, – снова зевнула девица. – Ни разу даже не появилась. Родственница тоже мне! Валька – и та лучше нее ко мне относится!

– А Валька – это кто?

– Ой, будто бы вы не знаете, что они с Димкой уже почти два года хороводятся!

Подруги не знали. И тем больший был шок для Леси, потому что два года назад Дима был еще ее Димой. То есть она сама так считала. Но теперь-то выясняется, что у него была какая-то Валька.

– Кто она хоть такая?

– Нормальная девчонка. Веселая. Прикинута не слабо, – простодушно выложила всю информацию сестрица. – Родители у нее шибко богатые. Не то что наша с Димкой родня. Вот он молодец, квартиру себе отдельную построил. Да и то ведь не просто так. Кредит в банке огромный взял. Еще его внукам выплачивать за эту квартиру предстоит!

– И часто эта Валька тут появлялась?

– Один раз была. С Димкой они заехали. На ее тачке. И меня покатались взяли. Классная тачка. Вся красная! Несется, словно пламя по сушняку. И на боку огонь нарисован.

– А марка?

– Чего?

– Что за машина? «Опель» или «Мерседес»?

– Не знаю. Димка говорил – японка.

– «Мазда» или «Хонда»?

– Вот это самое! – обрадовалась девица.

– Что?

– «Хонда» у нее.

– Значит, красная «Хонда» с аэрографией в виде языков пламени на боку? Так?

– В виде чего? – вытаращила глаза девица.

С этой особой все было ясно. Она уже выложила подругам все, что знала. И они отправились дальше. Куда? У Киры были наполеоновские планы. Но, как у всякого стратега, у нее имелась ахиллесова пята. И этой пятой у Киры была ее слабосильная подруга.

– Поехали домой! – взмолилась Леся, едва они вышли на улицу. – Уже рассвело, а я еще не спала!

– Не ври! Когда я к тебе приехала, ты была в пижаме.

– Только надела. Даже еще не прилегла. Честно! А теперь с ног валюсь от усталости.

И что было делать Кире? Тащить за собой полусонную Леся, которая все равно ничего не соображала? И нужно Кире такое ярмо себе на шею вешать? Нет, не нужно. К тому же едва Леся заговорила о том, как было бы хорошо устроиться в постели и чуточку подремать, как и саму Киру качнуло ко сну.

– Ладно, – вздохнула она. – Едем по домам. Искать девицу на красной «Хонде» будем, когда выспимся чуток.

Дома Кира поставила машину под окно. И пошла проводить подругу до квартиры. Леся едва переставляла ноги. К тому же они у нее заплетались и путались. Так что Кирина поддержка оказалась весьма кстати.

Уже поднимаясь по лестнице, подруги услышали странный шорох. И не успели насторожиться, как им навстречу выскочил огромный пятнистый рыжий кот. Из разинутой пасти неслась оглушительный вой, так что подруги даже шарахнулись к стенам. Следом за котом мчалась огромная тетка, крича не менее оглушительно:

– Стой, паршивец! Стой, кому сказала!

Увлечшись погоней за рыжим «паршивцем», тетка едва не сшибла с ног подруг. И, не обращая на них внимания, помчалась дальше, прыгая через две ступеньки. При ее росте, весе и габаритах зрелище было неслабое. А лестничные ступени дрожали так, что казалось, еще немного – и они обвалятся.

– Ну и чудовище! – произнесла Кира, когда кот и его хозяйка промчались мимо.

– Ага.

Леся и сама не знала, кого имеет в виду ее подруга. Кота? Тетку? Или их обоих? Но в любом случае Леся была целиком и полностью согласна. Девушки поднялись на Лесин этаж. И с некоторым удивлением обозрели скопление вещей под Лесиной дверью. Тут находились два огромных чемодана на колесиках, вместительная дорожная сумка и еще одна сумка чуточку поменьше, но в которую опять же вполне мог поместиться пятилетний ребенок или ротвейлер.

Кроме того, с краю стояла большая переноска. Крепкие прутья были изящно переплетены. Внутри лежала розовая шелковая подушечка и стояла автоматическая поилка. В переноске подруги увидели несколько погрызенных игрушечных съедобных белых мышек и одну серую, уже наполовину съеденную.

– Не знаю, как у тебя, а у меня в связи с этими вещичками возникают какие-то дурные предчувствия, – произнесла Леся, обзрев всю эту картину целиком.

– Угу. Спорим, в этой переноске сидел тот рыжий котяра, который только что удрал.

– Да.

– Но почему его клетка стоит возле твоей двери?

– И еще все эти вещи.

– Знаешь, мне это тоже совсем не нравится.

Леся ответить не успела. Потому что снизу послышались тяжелые шаги. И вскоре перед взглядом изумленных подруг возникла та самая здоровенная бабища, прижимающая к груди рыжего кота. Он вырывался, царапался и кусался. Так, что даже сильные руки хозяйки не могли с ним толком справиться. Женщина с облегчением сунула кота в переноску и захлопнула за ним дверку.

– Вот паразит! – с чувством произнесла она, выпрямляясь. – А умный до чего! Представляете, научился открывать дверцу и удирать. Пока из Екатеринбурга ехали, раз десять удрал. По всем полустанкам его ловила. Один раз чуть на поезд из-за него не опоздали. Пришлось полкилометра за составом мчаться. Хорошо еще, что на том перегоне пути чинили. Состав еле-еле полз, а потом и вовсе остановился.

Подруги выслушали это молча, подавленно глядя на женщину. А из той, напротив, жизнерадостность так и била. Буквально ключом.

– Ну, чего скисли?! – воскликнула она, весело глядя на подруг. – Вы ведь из этой квартиры? Ну так давайте знакомиться! Кто из вас Олеся?

– Я! – нерешительно ответила Леся, все еще не представляя, что нужно этой громогласной женщине и ее коту от нее, бедной.

– Племяшка! – просияла тетка и кинулась обнимать Лесю.

Под грудой ее телес маленькая пухленькая Леся буквально исчезла. Кира даже испугалась, что навсегда. Но незнакомая тетка все же умерила порыв своих чувств. И отпустила Лесю. Теперь она со слезами на глазах рассматривала девушку, бесцеремонно поворачивая ту вправо-влево.

– Племянница ты моя дорогая! – восклицала она то и дело. – Худенькая-то до чего! Оно и немудрено. Мать твоя бессовестная в свою Финляндию смоталась. За тобой и не смотрит! Куда это годится?

– Это, – проямлила Леся, решительно ничего не понимая. – Это самое... А вы кто?

– Ну ты даешь, племянничка! – изумилась и вроде бы даже обиделась женщина. – Я же твоя родная тетя! Тетя Дульсинея Екатеринбургская! Красиво звучит?

Леся пошатнулась. Дульсинея! Да еще Екатеринбургская. Очуметь!

– Но если так тебе длинно, то зови меня сокращенно – тетя Дуля.

Это было уже лучше и больше похоже на правду, но Леся все равно решительно ничего не понимала.

– А что тут понимать? Тетя я твоя! Единственная и родная. Сестра твоей матери.

Леся пребывала в полном ауте. Тетя? Откуда? Не было никогда слышно ни о какой тете. И вдруг такая напасть! С чего бы это?

– А вы уверены? – осторожно уточнила девушка. – Уверены, что вы – моя тетя?

– Конечно! Адресок-то вот он!

И тетка помахала в воздухе какой-то бумажкой.

– Знала бы ты, сколько трудов мне стоило его разыскать! А теперь я тут! Приехала! Ну, девочка, обними свою тетку!

Леся обняла жирные тела своей тети без всякого восторга. Она уже предвидела кучу неудобств и проблем, которые последуют за этим неожиданным визитом. И, как всегда, оказалась права.

Глава третья

Первым делом тетка оккупировала Лесину ванную комнату, где Леся и сама хотела бы провести хотя бы полчаса. Так нет же! Вместо этого ей пришлось устраивать рыжего кота, которого звали вовсе не Паршивец, хотя именно эту кличку он и заслуживал за свой вредоносный характер, а Золотце. Что у него было общего с драгоценным металлом, Леся так и не поняла. Разве что цвет?

Но это самое Золотце, пока Леся извлекала его из переноски, умудрился здорово цапнуть ее за руку. А потом удрал по гардинам на самый верх, стряхнул со шкафа чудную вазочку, изувечил Лесину королевскую бегонию, которую она растила уже пятый год и которая наконец приобрела действительно королевские размеры. А потом сиганул вниз и забился под диван.

– Ну и сиди там! – злобно произнесла Леся, посасывая раненую руку.

Второй виток неприятностей начался после того, как Леся позвонила матери в городок Турку и сообщила о визите тети Дули – Дульсинеи из Екатеринбурга. В глубине души Леся надеялась, что мать сейчас опровергнет факт наличия у нее родной сестры. И самозванку можно будет изгнать из дома. Сначала все к тому и шло.

– Гони ее немедленно! – зашипела Лесина мама, едва услышав про сестру Дульсинею. – Немедленно! Ты меня поняла?

– Но как? Она уже приехала. У нее чемоданы. И кот.

– И кота с собой приволокла! – ахнула мама. – Гони паршивца!

– Так ты его знаешь? – осенило Лесю. – То есть ее знаешь?

– Еще бы мне ее не знать!

– Она в самом деле твоя сестра?

– Да.

Ужас! Кошмарный ужас! Этот громогласный монстр в самом деле ее родная тетка.

– А почему ты мне никогда про нее не рассказывала? – спросила Леся у матери.

– А зачем?

Это было вполне в духе ее мамочки, поэтому Леся даже не удивилась. Она просто восприняла как должное факт, что у нее, оказывается, все эти годы была тетка. В Екатеринбурге. А теперь она с этой теткой познакомилась. Зато Лесина мама проявила странное любопытство:

– Скажи, она все такая же жирная корова? Или хоть немного похудела?

– Ну, я не знаю. Но сдастся мне, что нет.

– Так я и думала, – удовлетворенно произнесла Лесина мама. – Отлично!

– Она может остаться?

– Разумеется, нет! Скажи ей, что я категорически против!

– Мама, а не могла бы ты сама ей об этом сказать? – взмолилась Леся.

– Нет!

– Почему?

– Мы не разговариваем!

– И давно?

– Уже тридцать лет.

– Так вы в ссоре? – догадалась Леся.

– Верно.

– А в чем причина?

– Она в присутствии твоего отца обвинила меня в том, что я вешу на пять килограммов больше нее.

– И?...

– Что?

– И что было дальше?
– Естественно, мы с ней поругались.
– И с тех пор не разговаривали? – озарило Лесю.
– Ну да!
– Тридцать лет?
– Да! Тридцать не разговаривали и еще столько же не будем. Так что общаться тебе придется с ней самой. Я не смогу.

Пораженная Леся положила трубку. Разговор с матерью как-то не внес в ее душу успокоения. И даже совсем напротив. С этого момента ей стало совершенно ясно, что ее дорогая мама ей не подмога. И общаться с теткой придется лично ей – Лесе. Нельзя сказать, что она пришла от этого в восторг. К тому же царапины, оставленные проклятым Золотцем на ее руках, воспалились и начали зудеть. Надо было бы их промыть, но в ванной комнате плескалась тетка. При этом она еще и распевала оперные арии, что только ухудшило и без того скверное настроение девушки.

Кое-как сполоснувшись в кухне под струей воды, Леся отправилась на боковую.

– Вот моя кроватка! – счастливым голосом пробормотала она. – Как хорошо! Черт!

Последнее восклицание относилось к Золотцу, который тоже устроился вздремнуть и выбрал для этих целей именно Лесину кровать.

– Пошла прочь, скотина! – прошипела Леся, ничуть не заботясь, что перед ней кот и самец к тому же.

Золотце зашипел в ответ, протестуя. Он явно не привык, чтобы к нему обращались в таком тоне. И возмущению его не было предела. Особенно он разозлился, когда Леся, не слишком церемонясь, схватила жирного котяру за шкурку и, осторожно поддерживая под толстую попу, пересадила его на кресло.

– Тут тебе тоже будет удобно!

И что вы думаете? Золотце поблагодарил ее и, свернувшись калачиком, задремал? Ничего подобного! Злобная животина взметнулась под потолок. И с диким воем стала носиться по стенам, потолку и шкафам, роняя все, что только можно было уронить.

– Что тут у вас происходит?!

С этим воплем в спальню ворвалась Дульсинея с намотанным на голове тюрбаном. В нем Леся опознала свое лучшее махровое полотенце. Розовенькое, оно было украшено нежнейшей вышивкой и стоило такую астрономическую сумму, что Леся сама долго не могла поверить, что все же купила его. По этой причине полотенце было совершенно новое. Леся даже сама еще ни разу не решилась его использовать. А тетка решилась! И халат взяла! Ее, Лесин, халат! Махровый! Розовый! В тон полотенцу! Тоже очень и очень дорогой!

– Кто обидел мое Золотце? – разорялась тем временем тетя Дуля. – Кто посмел расстроить крошку? Кто этот жестокий человек?

Кот говорить не умел. Но Леся готова была поклясться, что если бы умел, то заложил бы ее по полной программе. Он по натуре был скандалист, ябеда и гадина. И хотя животных Леся любила, но этого негодника возненавидела лютой ненавистью. И, кажется, взаимно.

Тетя Дуля наконец поймала кота. И прижала к своей необъятной груди. Золотце выпустил когти и впился ими в грудь хозяйки. А на груди-то был халат Леси! Дорогой и махровый. И Золотце запутался в густой махре своими кривыми когтями.

– А-ай! – взвыла тетка Дуля, когда до нее достали когти ее Золотца.

Кот от ее крика еще больше испугался, задергался и... В общем, когда его удалось снять с тети Дули, то халат смело можно было выбрасывать на помойку. Или в крайнем случае использовать вместо мохнатой швабры.

– Я куплю тебе новый халатик, – пообещала тетя Дульсинея. – И прости мое Золотце. Обычно он ведет себя вполне прилично. Наверное, это долгая дорога его утомила. Сейчас я его посажу в клетку и мы с тобой получим передышку.

Уладив эту проблему, тетка с племянницей дружно смазали йодом глубокие царапины, оставленные Золотцем. И неожиданно почувствовали друг к другу нечто вроде симпатии. Во всяком случае, Леся почувствовала. Тетка была толстой, не слишком умной, обожала своего вредного кота и свалилась ей словно снег на голову, но при этом... Ведь зачем-то же она приехала?

– Тетя, а вы просто погостить или по делу приехали?

Но на этот простой вопрос тетка ответа Лесе не дала.

– Иди спать! – велела она племяннице вместо этого. – Всю ночь с подружкой где-то по танцуйкам прошлялись, теперь вся бледная. И с ног валишься.

Леся хотела объяснить, что они вовсе даже не на танцах были, а в отделении милиции. Но передумала. К чему волновать и без того беспокойную родственницу. Да и тетка неожиданно вновь завопила:

– Спать, я сказала! Марш!

И Леся послушно промаршировала к своей кровати. Золотце был уже надежно упрятан обратно в переноску. И Леся беспрепятственно смогла нырнуть в свою постель, свернуться уютней и наконец забыться от всех тревог и волнений, выпавших на ее долю.

Проснувшись она от одуряющего запаха чего-то сдобного с ванилью, сахаром и орехами. Некоторое время Леся лежала и прислушивалась к своим ощущениям. Вроде бы во сне ей привиделось, что она гуляет по кондитерской фабрике. Точнее, не гуляет, а работает там дегустатором. И все так потрясающе нечеловечески вкусно! Так не является ли этот волшебный запах продолжением ее не менее волшебного сна?

Оказалось, что нет.

– Проснувшись, племяшка? – раздался из кухни голос ее тетки. – Вставай! Я тут похозяйничала у тебя немного. Булочек тебе напекла! Ты как их любишь – с молоком или с кофе?

Леся открыла рот, чтобы сказать, что булочки она вообще не ест. Никогда в жизни. И пирожные не ест. И торты. Только черный хлеб и, желательно, подсушенный. В таком меньше калорий. А уж о молоке со свежей сдобой даже и заикаться было нечего. Просто смертельный номер для ее талии!

Но тетка Дуля, кажется, так вовсе не считала. Она появилась в дверном проеме с огромным подносом в руках. Просто поднос Леся бы еще пережила. Хотя это был лучший мамин поднос, с ручной росписью. И висел он на стене в кухне в качестве декора. Трогать его Лесина мама не разрешала никогда и никому ни при каких обстоятельствах. Но тетке Дуле было чуждо чувство прекрасного. Она схватила поднос и устала его разными вкусами, которые и приволокла к постели племянницы.

– Ешь! – велела она ей. – Ешь, и без разговоров. Тощая вся! И бледная! Нужно хорошо питаться, а то мужики любить не будут.

– Они меня и так не любят, – проворчала Леся, но первую такую вкусную с румяной корочкой булочку все же сунула в рот.

Тем не менее в глазах тетки загорелся интерес.

– Что? Совсем никого нет?

– Ну да, – проворчала Леся.

– Хочешь, сосватаю?

Леся едва не подавилась. Откуда там тетка к ней нагрянула? Из Екатеринбурга? Это на Урале, если она не ошибается. И что? С Урала теперь женихов выписывать прикажете?

– Была одна моя подруга у вас в Екатеринбурге, – задумчиво произнесла Леся. – Люди, говорит, хорошие. Но приличных мужчин на всех хороших женщин все равно не хватает.

– А и не надо так далеко ездить! Зачем тебе наш уральский пельмень? Пусть за ним тамошние девки гоняются. Мы тебе местного найдем. Земляка, так сказать!

Леся покосилась на монументальную фигуру своей тетки. На ее круглое простодушное лицо. Вспомнила, как она прыгала по ступеням за своим Золотцем, словно дорожке вредного кота у нее никого в жизни не было. И только вздохнула. Если уж тетка Дуля свое собственное счастье не наладила, то где уж ей таковое для племянницы организовать?

Но в ответ Леся ничего такого не сказала. Молча кивнула. Молча дожевала обильный завтрак, поданный к обеденному часу. И удрала, прихватив с собой несколько булочек для Киры.

– Тетка напекла? – мигом просекла ситуацию Кира. – Молодец! Одобряю.

– Вкусно?

– Угу! Еще как! А я смотрю, у вас в семье все женщины мастерицы готовить.

– Ну да. Наверное, это у нас наследственное.

– А я вот не умею, – опечалилась Кира. – Хоть бы ты меня научила. А то вон ведь как Димка свою Машу распекал вчера. До смертоубийства у них дело чуть не дошло. Ужас что такое.

– Кстати! – оживилась Леся. – Мы же должны поговорить с Машей. Что да как?

– Должны. А где искать ее? У родни?

– У них, – кивнула Леся.

В самом деле, ведь должны же быть у Маши какие-то родственники. Родители там или на худой конец сестры и братья, где она могла бы отсидеться, раз уж квартира мужа оккупирована его пышногрудой сестрицей из Таганрога.

– Но мы не знаем, где живут родители Маши.

– Зато мы знаем, где живут или, во всяком случае, жили родители Димы, – возразила Леся.

– Правильно! Поедем к ним и спросим, где живут родители их невестки!

Но сначала подруги позвонили к себе в офис и предупредили, что или задержатся, или вовсе не придут сегодня. Их помощницы в восторг от этого заявления явно не пришли. Но возражать хозяйкам тоже не решились. И подруги получили свободу передвижений на целый день.

Родителей своего несостоявшегося жениха Леся помнила отлично. Люди простые, честные, трудолюбивые, и хотя оба давно вышли на пенсию, но продолжали работать. Во всяком случае, год-полтора назад еще работали, а потом Димин отец угодил в больницу с диагнозом – инсульт. Правда, очень быстро выписался. Но дальше у Димы с Лесей произошел окончательный разрыв, так что она уже ничего не знала о судьбе его мамы и папы.

Родители Димы внешне чем-то были оба похожи друг на друга – невысокого роста, гораздо ниже среднего, с тонкими светло-русыми волосами. И Лесе всегда казалось очень странным, как это у таких людей родился здоровенный Димка с черными как смоль волосами и угольно-жгучими глазами.

Вот уж поистине генетика – странная вещь. Сам Дима уверял, что пошел в своего деда – казака с Дона. Дескать, тот тоже был рослым, смуглым и черноволосым. Так это или не так, Леся сказать затруднялась, так как деда-казака в жизни не видела. Может быть, и к счастью, потому что, по рассказам того же Димы, напившись, дед любил тряхнуть стариной, а именно – снимал шашку со стены и мог запросто порубить пару лавок в доме, вгоняя домочадцев в состояние благоговейного ужаса.

Но дед тому был виной или кто другой, только ни на отца, ни на мать Дима похож не был. Раньше это Лесю как-то мало волновало, хотя и заставляло временами задуматься. А вот

сейчас почему-то взволновало. Вопрос к Диминой матери так и вертелся у нее на кончике языка, пока подружки разыскивали дом Диминых родителей.

Где живут старики, Леся опять же по старой памяти помнила. И они, как выяснилось, тоже не успели забыть свою несостоявшуюся невестку.

– А-а-а! Олесенька! – радостно приветствовала девушку возникшая на пороге старушка с крутой «химией» на голове. – Откуда ты тут?

– Здравствуйте, Зинаида Павловна. Я к вам по поводу Димы.

Личико старушки омрачилось. Но тем не менее она пригласила подруг в дом. И, усадив их на кухне, выразила готовность начать беседу.

– А Димочка с нами не живет, – со вздохом сообщила она. – Он ведь теперь женат. А ты, Олесенька, что же, не знала?

– Знала. И на свадьбе у него была, – отмахнулась Леся. – Дело в другом.

– В чем же?

– Мне даже не Дима, а Маша нужна. Его жена.

– Хорошая девочка, – кивнула Зинаида Павловна. – Ты, Олесенька, не обижайся. Ты тоже очень хорошая девочка. Но раз уж Дима так выбрал, не тебя, а ее, то что же поделаешь.

– Ничего, – бодро ответила Леся, у которой почему-то комок к горлу подкатил. – Но вы знаете, где живут Машины родственники?

– Машенькины родственники? А ты знаешь, у нее и нет ведь никого.

– Как это? – оторопела Леся. – Совсем, совсем никого?

– Совсем.

– Не может быть!

– Точно тебе говорю! Ни отца, ни матери.

– А где же они? Куда делись?

– Умерли, наверное.

Это «наверное» здорово насторожило Лесю.

– Что значит – наверное? То есть вы не знаете точно?

– Машенька избегала говорить на эту тему. А мы с отцом никогда не настаивали. Может быть, Димочка и знал, что с ними случилось. А мы – нет.

Вот так история! Выходит, некуда Маше было податься. Не было у нее другого близкого человека, кроме мужа.

– А подружки?

– Что подружки?

– Машины подружки! Может быть, они знают, где нам найти Машу?

– Да чего ее искать-то? Она у себя на конюшне живет. Купила себе потеху. И живет там. И Димочка с ней. Мне сначала не нравилась эта идея. А потом съездила к ним, посмотрела, как у них все чудно устроено, и успокоилась.

– Нету там Маши, – хмуро произнесла Леся. – На конюшне, имеется в виду.

– Куда же она тогда делась?

– Так я вам об этом битый час и толкую! – рассердилась Леся. – Куда?

– Откуда же я знаю? Хотя подожди-ка, вроде бы у нее брат имелся.

– Брат? Родной брат?

– Опять же точно не скажу. И за слова не поручусь. Но один раз промелькнуло у Маши в разговоре одно мужское имя – Валентин. Я заинтересовалась. Спрашиваю, что за Валентин такой?

– А она?

– Маша мне тогда и объяснила, что никакой это не кавалер ее бывший или там любовник, а брат.

– Так и сказала?

– Ну да. И больше ни гу-гу. Ни кто он такой, ни где трудится, ни что из себя представляет.

Леся задумалась. Все это выглядело довольно таинственно. Бедная маленькая сиротка выходит замуж и покупает себе в качестве развлечения конюшню. Дорогая, между прочим, по нынешним временам забава. Никакого дохода не дает, одни вложения. Это раньше разведение породистых скакунов приносило владельцам ощутимый доход.

Да, может быть, оно и теперь приносит. Но только не сейчас и не в нашей стране. И не разводила лошадей Маша. У нее своих было пять штук! Но не на племя, а так – для души. Остальные лошади появились в конюшне от разных хозяев. И ощутимого дохода, насколько понимала Леся, тоже владелице конюшни не приносили. Если же что и оправдывали, так это свое содержание.

А про остальное – свет, газ, аренду и прочее – приходилось думать Мане. И выкручиваться, как может. Но не было похоже, что Машу слишком уж удручало ее материальное положение. Напротив, она выглядела полностью довольной.

– И откуда же у нее тогда денежки?

Леся даже не заметила, что начала думать вслух. Этим немедленно воспользовалась Дими́на мама:

– Мане все бабушка оставила.

– Ага! Значит, бабушка у нее имела?

– Да. Только теперь уже умерла.

– Какие-то мрачные совпадения, вы не находите? – задумчиво спросила Леся у Зинаиды Павловны. – Сначала бабушка отошла в мир иной, потом родители, опять же брат, про которого ваша невестка предпочитает умалчивать.

– Несчастливая она, наша Машенька, – сокрушенно согласилась Зинаида Павловна. – Бедная девочка. Мне так ее жаль. Впрочем, она и не скрывала, что приносит своим близким несчастья.

– Да уж. Вот теперь и Дима...

Леся лягнула и прикусила язык. Но было уже поздно. Зинаида Павловна ухватилась зубами и когтями за эту тему.

– А что Дима?! Что с ним такое?

Кира метнула на подругу яростный взгляд. И что за длинный язык! Ясно же, что теперь обеспокоенная мать не сможет ни о чем другом говорить, только о сыне. А узнав, что он в больнице, помчится к нему. И ничего они про Машу не узнают. Так и случилось. Зинаида Павловна быстро вытрясла из растерявшейся Леси всю информацию о том, что случилось с Димой.

– Ой, не надо было ему с этой Машкой связываться! – завопила она, мигом сменив тон. – Все беды от нее! Дрянь! Оторва! Из-за нее мой Димочка теперь в больнице! Знает, дрянь такая, что беды на ее близких сыплются, так и сидела бы себе в девках! За что же муж-то страдать должен?! А вы тоже хороши! Приехали и молчали!

В общем, ситуация накалялась. И подругам пришлось ехать вместе с Зинаидой Павловной в больницу к Диме. Дорога была не из легких. Женщина билась в истерике. И к тому же была готова обвинить всех на свете в том, что случилось с ее сыном.

В больнице выяснилось, что хотя Дима и не приходил в себя, но состояние у него стабильное. И есть надежда, что он выживет. Хотя и не стопроцентная. В больнице Зинаиду Павловну отловил следователь, который пожаловал сюда, чтобы проведать пациента и оставить рекомендации врачам, как им нужно поступить, если появятся родные Димы.

– На ловца и зверь бежит! – радостно сказал он, узнав, что имеет дело с матерью потерпевшего. – Пройдемте. Побеседуем.

И он увлек женщину за собой. При этом на подруг он глянул совсем неприветливо. И они не осмелились последовать за Зинаидой Павловной. Но не беда. Она закончила разговор со следователем и все равно пришла к подругам.

– Хочу перед вами извиниться.

– За что?

– Это ведь вы спасли моего мальчика. Следователь мне все рассказал! И как вы к нему среди ночи примчались. И как врачей вызвали. И как умереть ему не дали.

– Ну, мы...

– Спасибо вам!

– Мы только...

– А вот Маньку я прокляну!

– За что?

– Как это за что? Я так поняла, следователь подозревает ее в том, что она Диму... что из-за нее Дима... – срывающимся голосом произнесла она. – Что он теперь тут лежит. И то ли умрет, то ли жив останется, но инвалидом, это еще неясно. Разве вы не знаете?

– Мы ничего не знаем. Мы сами ищем Машу.

– А ее и искать нечего! Дома она!

– Нет. Там ее нету!

– Дурочки! – фыркнула Зинаида Павловна. – Думаете, у Маньки одна только квартирка?

На конюшне?

– А разве нет?

– Нет. У нее и в городе отличная квартира есть. В центре города на Малой Садовой улице. От родителей осталась. Четыре комнаты, огромный холл, кухня почти двадцать метров, ремонт, хрусталь, ковры, антикварная мебель!

– Вы это все своими глазами видели?

– Не сама. Мне Дима рассказывал.

– И почему же Маша не живет в этих хоромах, а предпочитает ютиться на конюшне?

– Вы чего полегче спросите! – злобно буркнула Зинаида Павловна. – Машка – она вообще с большим приветом. Вместо мозгов ветер!

– И вы знаете адрес этой квартиры?

– А как же? Димочка мне все рассказывал. И уж такие вещи тем более.

Подруги не вполне поняли, какое дело могло быть Зинаиде Павловне до квартиры ее невестки, которую та получила от своих покойных родителей. Но уточнять не стали. И так было видно, что отношение к Мане у Диминой мамы строится по простой схеме: стелится Маня ковриком под ноги своему мужу, значит, молодец, хорошая невестка. А чуть взбрыкнет, так уже сразу – дура несчастливая.

– Адрес я следователю назвала, – разочаровала подруг Зинаида Павловна. – Так что возьмут они Машку. Там она прячется, больше ей быть негде.

– А брат? К брату она не могла податься?

– Вряд ли. С братом у нее, я так поняла, какие-то сложные отношения. Он с ней почти не общается.

Подруги переглянулись. Хорошо, если Машка окажется у ментов. Так ее жизни ничего не грозит. Но оставался все же невыясненным вопрос, кого еще собирался утопить Дима на кораблике? Ведь речь шла о двоих! О Маше и еще о ком-то. О ком же?

– А нам адрес Машиной квартиры дадите? – спросила Кира у Зинаиды Павловны. – Хотим с соседями потолковать.

– Да.

Записав адрес, подруги собрались уходить. Зинаида Павловна с ними не пошла. Она собиралась бдеть у постели своего сына. А подругам делать в больнице больше было нечего. Но перед уходом Кира все же задала вопрос, который не давал ей покоя:

– Скажите, а вы знали, что ваш сын изменяет жене?

– Машке? Мой Дима? Не может такого быть!

– Изменяет.

– Я его не так воспитывала!

– Тем не менее его сестра сказала, что неоднократно видела его в обществе некоей девицы – Вали.

– Не было у Димы никого! – решительно отвергла поклеп на сына Зинаида Павловна. – Я воспитала своего ребенка добрым и чутким! И порядочным! Да! Да! Он никогда не стал бы изменять жене! Никогда!

– Но его сестра говорит...

– Да не слушайте вы эту дуреху! Она даже в институт поступать в конце лета приехала!

Когда все экзамены давно закончены. Дебилка!

– Но ведь не слепая! И она видела, как за Димой заезжала его девушка.

– Так уж сразу и девушка. Может быть, просто знакомая! У Людки фантазия богатая. Дура дурой, а талант имеет. Как небылицы плести начнет, так прямо уши вянут. Где начало, где конец и не разберешь.

– Ну, хорошо, – уступила Кира. – Пусть не девушка, а просто знакомая. Но была такая знакомая у вашего сына?

– Валя? Нет. Не было такой!

– Может быть, вы просто не знаете?

– Димочка мне все рассказывал!

– Вы вспомните, – приставала Кира. – Может быть, припомните красивую девушку Валу.

– Богатую!

– На красной машине!

– На японке!

– С нарисованным огнем!

Зинаида Павловна впала в замешательство.

– Какая еще иностранка Валя да из Японии? – пробормотала она. – Откуда она взялась у моего Димочки? И что вы мне тут «Золотой ключик» цитируете? Еще про нарисованный очаг вспомните.

В общем, беседа с Зинаидой Павловной никакого результата не дала. И, попрощавшись с ней, подруги отправились на вторую квартиру Маши. Искренне надеясь, что та не будет совсем уж дурой и не откроет отправившимся за ней туда ментам. А вот им, наоборот, откроет. Коли среди ночи звонила и призывала на помощь.

Глава четвертая

Дверь подругам открыли. Но это была вовсе не Маша. Никак не Маша. При всем своем желании Маша не смогла бы замаскироваться под почти что двухметрового дюжего детину весом хорошо за центнер и с густой черной бородой. Тем не менее именно он открыл подругам дверь и замер, задумчиво созерцая их обеих.

– Не подходите! – наконец решительно заявил он им и дверь захлопнул.

От такой наглости девушки сначала опешили. Никогда их еще не отвергали так быстро, даже не поговорив с ними. Но переглянувшись, они оставили глупую гордость и снова принялись барабанить в дверь, так как звонок на роскошной дубовой двери отсутствовал начисто. Дверь снова распахнулась. И дюжий детина снова возник в проеме. Никакой агрессии в нем не наблюдалось. Одна обреченная усталость.

– Сказано же – не подходите вы мне!

– Чем это? – возмутилась Кира.

– Типаж не тот!

И он снова попытался закрыть дверь. Но на этот раз подруги были начеку. И успели подставить ножку.

– Может быть, раз уж мы приехали, вы пригласите нас войти?

– А-а-а! – махнул рукой детина. – Заходите!

Он впустил подруг. Девушки с интересом огляделись по сторонам. В квартире в самом деле было роскошно. Может быть, чуточку уныло и мрачно, да и пыли многовато, но все равно роскошно. И открывший им дверь мужчина в вытянувшемся и перепачканном какими-то цветастыми пятнами свитере никак не вписывался в интерьер. Тем не менее он явно жил тут. А закрыв за подругами входную дверь, неожиданно принялся жаловаться:

– И что за несчастья такие на меня посыпались? Ни одной подходящей модели за целую неделю! А у меня заказ! Работа! Выставка! Если прогорю со сроками, мне этого никто не простит. Неустойку выставят. Штрафы навесят! А все почему? Модели нет!

– Но это ничего, – попыталась утешить его добрая Леся, которая хотя и не вполне уразумела, что тревожит мужчину, но зато отлично видела – мужчина нуждается в утешении.

– Это-то да! – согласился он с ней. – Но ведь еще и другое разное тоже добавилось.

– Что, например?

– Девушка от меня ушла! А потом выяснилось, что она мне еще и изменяла. Целый букет на память о себе оставила.

– Цветы?

– Ага! Как в песне поется: «Я в пруду для Лидии поймал хламидии!» Только у нас с ней все наоборот получилось. Это не я для нее, а она для меня нарвала где-то.

– Но вы поправитесь.

– А еще собаку у меня украли! – не желал утешаться мужчина. – Хороший такой пес был! Курцхаар! Мы с ним на охоту ходили. И украли!

– Найдется!

– Я объявлениями весь Невский заклеил. А толку? Звонят разные придурки, предлагают вшивых щенков из приюта взять. А зачем мне они? Мне мой Одри нужен!

– Это все не так страшно! Вы поправитесь! Лекарства сейчас чудеса творят. Девушку найдете себе новую. А собака сама вернется!

– Не знаю, не знаю, – сомневался детина. – Мне кажется, права была Манька. Несчастливая эта квартира. Ведь подумайте только, стоило мне сюда переехать, как все эти неприятности на меня и посыпались!

– Ну при чем тут квартира? Это все суеверия!

– Я и сам раньше так думал. А тут пожил, чувствую, давит меня что-то.

– Что?

– По ночам не сплю. Все жду, когда она появится.

– Кто она? Маша?

– Да нет! При чем тут Маша? – рассердился мужчина. – Она мне квартиру сдала и смылась. Только я ее и видел.

– А кто же тогда к вам приходит по ночам?

– Бабушка ее!

– Бабушка? Но она же, если не ошибаюсь... того... умерла!

– Вот именно! – энергично кивнул мужчина. – Умерла! А сюда приходит! Не сама, ясное дело, а призрак ее является.

Подругам все стало ясно. Они имели дело с ярко выраженным шизофреником. Квартира ему, видите ли, несчастливая. Бабушка покойная, и причем чужая, ему опять же является. А зачем призраку бабушки, спрашивается, в гости к незнакомому постороннему человеку лезть? Других дел у нее нет, что ли?

– Вот я и сам сначала тоже никак в толк взять не мог, что ей от меня нужно! – сетовал мужчина. – А потом понял!

– В самом деле?

– Сказать она мне что-то хочет! Предупредить или указать на что-то!

– Это она вам так сказала?

– Это и так ясно. Покойники просто так без крайней на то причины никогда не являются.

Тьфу ты! Он еще и упрямый! И в призраков верит! Нехорошие симптомы. И подруги на всякий случай начали оглядываться по сторонам в поисках удобных путей для отступления.

– Однако вернемся к нашей Маше, – произнесла отважная Кира, пока Леся про себя обмирала от отваги подруги. – Это ведь ее квартира? А вам она ее сдала?

– Откуда у меня деньги? Я же художник. Особых доходов пока не имею. Маша так меня пустила. Давай, говорит, Миша, поживи у меня дома. Родительская квартира пустая стоит. Тебе там удобно будет. Ну, и пустила.

– За какие такие заслуги?

Подруги пристально уставились на здоровущего мужика. Подумать только! Оказывается, он художник. Если не знать, то его легко можно было принять за участника боев без правил или профессионального боксера. Во всяком случае, нос у него был сломан вполне профессионально. Конечно, густая и длинная борода – это для бойцов только лишняя помеха. Но бывают и бородатые. А тут художник. Трепетная профессия.

– Ничего такого между нами с Машей не было, – счел нужным уточнить этот тип. – Просто сердце у Маньки доброе. То есть я раньше так думал. А теперь вижу, что стерва она наипервейшая. Ведь знала же, что сюда призрак ее бабки является. Могла бы и предупредить!

– А она знала?

– Ну!

– И ей он тоже являлся?

– Не знаю. Только с чего бы иначе ей говорить, что квартира эта несчастливая?

– Может быть, от того, что тут жили Машины родители. А они рано и, видимо, трагически погибли.

– Не знаю.

– А самой Маше про то, что вас тревожит призрак ее бабушки, вы рассказывали?

– Ясное дело! Первым делом утром Маньке на трубку позвонил!

– И что она? Не поверила?

– Самое интересное, что поверила, – пожал плечами детинушка. – И даже с мужем они тут со мной целую ночь провели.

– Зачем?

– Призрак бабушки поджидали.

Шизофреник! И еще заразный к тому же! Машку и Диму своим бредом заразил! Но подруги уже имели опыт общения с психами. И твердо знали: главное, не раздражать и открыто не противоречить им, а во всем поддакивать. Но так, чтобы они не подумали, будто над ними издеваются.

– И как? Дождались вы с ними призрака бабушки?

– Нет, – вздохнул великан. – Маша меня же потом и высмеяла. Димка тоже хихикал. В общем, я и сам в тот раз поверил, что свалил дурака.

– А потом что же – снова поменяли свое мнение?

– Да как же тут не поменяешь, если на следующую ночь все повторилось?! – взвился художник.

Чувствовалось, что тема его здорово волнует. Еще бы не волновала, коли посторонний призрак по квартире шастает. А он когда вселялся сюда, ни о чем таком потустороннем и думать не думал.

– Что повторилось?

– А то самое! Бабуля Машкина снова появилась. И давай мне пальцем грозить!

– За что?

– А зачем, мол, вражину в дом пустил?

– Вражину? Врага, другими словами?

– Да.

– М-м-м. Это она про Диму?

Но художник внезапно озверел.

– А мне плевать! Хоть про кого! Нечего этой старушенции сюда таскаться и беду на меня кликать. Я уже и священника знакомого позвал. Он молитву прочитал, святой водой все углы окропил, а только лучше не стало. То есть бабка появляться перестала. Но ведь Одри – мой пес – не нашелся!

– М-м-м, – снова промычала Кира. – А с чего вы вообще взяли, что имели дело с призраком Машиной бабушки?

– А с кем же еще?

– Например, с призраком другой старушки. Вы же лично не были знакомы с покойницей? Но художник не дал сбить себя с толку.

– Во-первых, я не думаю, что посторонняя старуха стала бы шляться сюда. А во-вторых... Во-вторых, видел я фотографию Машиной бабки. Одно лицо! И одета, самое главное, так же. Прямая юбка и длинная, тоже прямая, кофта. Вязаная. Я еще рисунок запомнил, узор очень красивый. Мне как художнику подобные вещи всегда интересны. Ну, и черты лица.

– Как на фотографии?

Художник кивнул.

– Она это была. Точно! Только бледная очень!

– Естественно, она ведь призрак!

– Понимаю, не дурак.

– Скажите, а Маше вы про повторный визит ее бабушки не рассказывали?

– Я же сказал, что не дурак! Не хватало еще, чтобы они с Димой снова начали надо мной потешаться. Священника вызвал, и все. А теперь подумываю, как бы вообще съехать с этой проклятой квартирки.

Мужчина выглядел настолько расстроенным, что, казалось, того и гляди заплачет. Но он не заплакал, а неожиданно полез в шкаф и извлек оттуда пузатенькую бутылку коньяка.

– Будете?

– Я за рулем!

– А я днем не пью.

Художник вздохнул.

– Вот и я раньше не пил. Днем. А как на меня эти неприятности валом повалили, утешение в рюмочке ишу. Опять же – модели нет. Работа стоит. Выставка на носу. А просвета никакого.

Повторив словно молитву эти слова, он опрокинул в себя целый фужер коньяка. Подруги только крикнули, глядя на такое безобразие. Ясное дело, если целый день коньяком стресс снимать, то к ночи не только бабушка, но и дедушка вместе с ней появятся. Но вслух они ничего не сказали.

– Значит, где искать Машу, вы не знаете?

– А чего ее искать? На трубку ей позвоните. Или на конюшне она. Больше нигде.

– А у брата?

– У брата? – изумился художник. – Впервые слышу, чтобы у Маньки брат был.

– Вы и про ее бабушку никогда прежде не слышали.

– До того, как она вам являться стала!

– Ну и что?

– Бабушка уже давно умерла. Но брат, я так понимаю, у Маньки вполне живой?

– Мы так думаем. Надеемся.

– Ну вот, а она про него ни разу не заикнулась.

Эти слова внезапно навели Киру на еще одну мысль:

– А где вы вообще с Машей познакомились?

– Учились мы с ней, – поразил подруг ответ.

Их удивление можно было понять. Художник выглядел лет на десять старше Мани.

– В школе?

– В какой еще школе? В Мухе! В Мухинском художественном училище!

– На одном курсе?

– А что такого? Занятия у нас по вечерам были. Днем мы работали. А по вечерам учились. Только потом она учиться бросила. А жаль, у нее был талант. Не большой, но был.

– А почему бросила?

– Я специально ее не расспрашивал. Но по вскользь оброненным словам понял, что это как-то связано с наследством, которое она получила.

– А что за наследство?

– Сказал же вам – специально я ничего не узнавал. Не имею такой привычки совать нос в чужие дела.

В общем, художник мало чем помог подругам. С Маней он снова встретился случайно. Вернее, она сама к нему подошла, когда он стоял на Невском в надежде заполучить жирного фирмача на портретик. День был неудачный. А Маня оказалась для художника лучиком солнышка. Она мигом решила его жилищные проблемы, поселив его в квартире своих родителей.

– Сдавать она ее не хотела, чтобы чужие тут не шастали, – пояснил художник свалившееся на него счастье. – А я ей все-таки не чужой. Два года вместе отучились. Дружили даже. Мишка и Машка. Нас даже женихом и невестой кликали.

Но, несмотря на дружбу, ничего внятного о Мане он подругам не сказал. Милиции он тоже не видел. Так как вернулся с поисков своего Одри всего за несколько минут до подруг.

– Должно быть, мы с ментами просто разминулись, – сказала Кира, когда девушки вышли из квартиры, в которой продолжал заливать свое горе художник.

– Наверное.

– Но странно, неужели они пришли, увидели закрытую дверь и просто ушли?

– А что им еще было делать?

– По соседям пройтись. Поспрашивать, кто и когда из них видел в последний раз Машу. И все такое прочее.

Но «все такое прочее» пришлось делать самим подругам. Менты соседей Маши то ли не сочли важными свидетелями, то ли просто поленились и не захотели тратить время наугад. А вот подруги захотели. И уже во второй по счету квартире им улыбнулась удача.

Правда, в виде страшноватого беззубого оскала старушки, к тому же глуховатой. Об этом говорил старомодный слуховой аппарат, торчащий у нее из-за правого уха.

– Ась? – произнесла она. – Кто такие? Из домоуправления? Насчет батареи? Так, заходите.

Доверчивости бабушки можно было только поражаться. Впрочем, долго подруги поражаться не стали, потому что поняли: в этой квартире взять просто нечего. Бывает, хотя и редко. Разруха в ней царила страшная. И это при том, что по площади она почти в точности соответствовала квартире Машиных родителей. Но там был несколько лет назад сделан хороший ремонт. А тут ремонтом даже и не пахло несколько десятков лет.

С потолка свисали лохмотья пожелтевшей и местами даже почерневшей краски. Обои облезли. Причем везде. И голые стены даже никто не удосужился хотя бы побелить или покрасить. На пол было даже страшно взглянуть, до того он покорежился. Из старых, вставших дыбом паркетин торчали толстые гвозди, которые оказались долговечней дерева. И теперь каждый шаг грозил проживающим тут людям нештучной опасностью.

Старушка ловко просеменила по опасному полу. И остановилась возле окна. О нем говорить совсем не хотелось, до того оно было мутное из-за слоев грязи, копившейся не один год. Кроме того, треснувшее стекло было небрежно заклеено синей изоляцией.

– Вот она!

Подруги удивились. В голосе старушки звучало что-то вроде торжества.

– Вот она, зараза! – повторила старушка, и подругам стало ясно, что речь идет о батарее.

Как ни странно, но батарея была совершенно новой. Об этом свидетельствовали следы недавней сварки в местах стыков.

– И что с ней не так?

– Поменять нужно, – пояснила старушка. – На другую! На беленькую. Зачем мне такая ржавая? У меня прежняя была зелененькая. И то лучше. Зачем меняли?

До подруг наконец стал доходить смысл претензий старушки. Она хотела уже покрашенную батарею центрального отопления, а горе-мастера из жилищной конторы поставили ей обычную, да еще покрытую слоем ржавчины.

– И что с того, что в той прежней свищи были? – настаивала старушка. – Не текли ведь? Пластином залепила, и ладно. Батарея зелененькая, пластилин тоже. Чего еще-то?

Подруги переглянулись. Какой же температуры должны были быть батареи в комнате старушки, если пластилин держался на них и не плавился? Наверное, изнутри были сплошь забиты шлаками и грязью, так что тепло уже не могло пробиться к поверхности.

– Ну да, грели слабовато, – подтвердила бабушка. – Да ведь симпатично выглядели.

В общем, стремление старушки облагородить свое жилье за счет батареи подруги могли понять. Но чего она к этой батарее прицепилась? Свет на ней клином сошелся, что ли?

– А хотите, – услышала Кира голос подруги, – мы вам ее покрасим?

У Киры глаза на лоб полезли.

– В какой цвет хотите? – продолжала Леся. – В белый?

– Ты чего? – шепотом возмутилась Кира. – Откуда у нас краска?

– Купим.

– Времени нет!

– Найдем, – твердо сказала Леся. – Бабушке нужно помочь. Видишь же, как старушка по дизайну убивается.

В общем, Леся сумела настоять на своем. Подруги купили в магазине строительных товаров банку краски и две специальные кисти на длинных рукоятках. Краска тоже была специальная. В спокойном состоянии густая, словно сметана. Но стоило ее пошевелить, мигом растекалась. Но ржавое железо она покрывала равномерно. И тут же высыхала.

Пока подруги красили, старушка вертелась поблизости. И накрывала стол к немудрящему чаепитию с сушками и булкой с вареньем.

– А что это под вами в квартире не живет никто? – произнесла Кира, которой надоело возюкать кисточкой взад-вперед без всякого толку для их расследования. – Мы стучали, стучали, не открывают.

– Не живет там никто, – спокойно ответила старушка.

Подруги уже успели с ней познакомиться. И знали, что зовут ее Вера Ивановна.

– Померли все.

– Как же так? А квартира пустая стоит?

– Машенька там не живет, – подтвердила Вера Ивановна. – Как Маргарита Федоровна скончалась, так Машенька квартиру закрыла и уехала.

– А Маргарита Федоровна – это была хозяйка квартиры?

– Машина бабушка. Бедная женщина.

– Бедная?

– Не в смысле денег, этого у них как раз хватало. Бедная, потому что обоих своих сыновей похоронила. И двух мужей.

И Вера Ивановна, как и все пожилые одинокие люди, любящая поболтать, принялась самозабвенно выкладывать подробности жизни Машиной бабушки. Подруги слушали молча, не перебивая. Надеясь, что среди пустой шелухи найдется хотя бы одно зерно истины.

– Двое у Маргариты Федоровны мужей было. Двое. И от каждого у нее по сыну родилось. Младшего она следом за мужем схоронила. На кладбище малец простудился, когда отца его хоронили. Да так нехорошо получилось. Вроде бы и температура небольшая, а долго держится. Врачиха у нас тогда на участке молодая была, неопытная. Не смогла понять, что у ребенка воспаление легких начинается. Ну а когда температура уж под сорок подскочила да врачи из больницы приехали, уж поздно было. Сгорел мальчишечка меньше чем за сутки.

– Бедная! – вырвалось у Киры. – Действительно бедная женщина. И что же, она одна осталась?

– Не совсем. Квартира у них тогда коммунальная была. И дружно жили. Это уж потом дети переженились, сами детей нарожали и ссориться начали. Да только тогда второй сын Маргариты – Никита – квартиру выкупил. Соседей расселил, а сам с семьей и матерью тут остался.

К этому времени подруги уже закончили первый слой покраски. И устроились за столом, грызя сушки с маком и запивая их жидким, совсем несладким чаем. А Вера Ивановна продолжала рассказывать:

– Но когда Маргарита в первый раз овдовела, она с соседями еще дружно жила. Трое их было. Ивановы – супружеская пара, они две комнаты занимали. А Тамара – одна жила. Вот она, главным образом, за Маргаритой и ухаживала. Утешала ее. А потом и мужа нового приискала.

– Ну и как? – вырвалось у Леси.

Тема была, что называется, наболевшая. И она инстинктивно впитывала малейшие подробности, как губка воду.

– Неплохой человек был, – сказала Вера Ивановна. – Правда, выпить любил. Через это дело и умер.

– Почему?

– Лампочку ввинчивать полез. А у нас потолки, сами видите, больше четырех метров будут. Вот муж Маргариты сначала стол принес, на него табуретку поставил, а на ту табуретку

еще одну, поменьше. Да не досмотрел по пьяни. И только на нее встал, как ножка у верхней табуретки возьми и подломись.

– И что?

– Вниз полетел. Да неудачно. Головой о край буфета ударился. И все.

– Умер?

– Мгновенно.

– Ой!

Подруги даже содрогнулись. Да уж, не везло Машкиной бабушке с личной жизнью, что и говорить. Вера Ивановна тем временем продолжала:

– Плохо, что и говорить. Маргариты в ту пору дома не было. Она на сохранении в больнице лежала. Второй ребенок ей трудно давался. Ну а когда приехала, так ей волноваться нельзя было. Соседи опять же помогли мужа похоронить. Тамара и расстаралась. Она их познакомила, стало быть, свою вину чувствовала. И потом Маргарите, которая мальчика родила, всегда помогала. И как сама умирать собралась, Маргарите и Никите свою комнату завещала.

– А Ивановым?

– А им шиш с маслом! Вот тогда они и обозлились. То есть не они сами, а их молодые. Сын с невесткой в отдельной комнате жили. Да только у них прибавление ожидалось. Тесно им показалось. Хотели третью комнату захватить. А тут им такой облом вышел. С тех пор вражда между ними и поселилась.

Некоторое время прожив в квартире со злобствующими соседями, Никита понял, что нервы у него на пределе. Кто жил в ссоре с соседями по коммуналке, тот знает, на какие «прелести» способны обозленные люди. Тут вам и сгоревшие котлеты, и пересоленный суп, и клей в ботинках, и съеденная деликатесная черная икра, старательно приберегаемая к празднику. И еще много, много всего разного плохого.

В общем, Никита долго раздумывать не стал. И предложил своим соседями отличный вариант раздела жилища. Они получали трехкомнатную квартиру, где могли устроиться с комфортом и даже с ожидающимся внуком. А он с женой, матерью и двенадцатилетней дочкой Машей остается в бывшей коммунальной квартире.

Обмен удался. Парамоновы остались в квартире. Ивановы уехали. Через год Никита отгрохал шикарный ремонт, который тянулся еще почти целый год. По тем временам это было что-то неслыханное. А потом Никита принялся сорить деньгами, скупая старинную мебель, картины и хрусталь.

– Откуда же у него такие деньги взялись?

Вера Ивановна многозначительно поджала губы.

– А то вы не помните, какое время тогда в девяностых годах было! Бандиты прямо на улицах людей убивали! Дня не проходило, чтобы где-нибудь перестрелку не устроили.

– И отец Маши тоже был бандитом?

– Не знаю я ничего, – помотала головой старушка. – Маргарита на этот счет всегда рот на замке держала. Ну, а Никита... Сам он людей, наверное, не убивал. А только ясно, что те деньги нечистые были. Честно работая, такие хоромы хрусталем не обвешаешь и не уставишь.

В этом подруги с Верой Ивановной были согласны.

– Только деньги деньгами, а счастья они в дом Маргарите не принесли. И второго ее сына убили. Вместе с женой в машине взорвали.

– Ой!

– Вот вам и ой! Снова Маргарите похоронами заниматься пришлось. Но в этот раз она лучше держалась. Наверное, понимала, что коли сынок такими деньжищами ворочает, то не сегодня, так завтра его точно не станет. Ну и не стало.

А Маргарита Федоровна зажила с внучкой Машей. Жили они, не роскошествуя. Но и бедность к ним на порог не сунулась. Ничего из своей огромной квартиры из мебели или доро-

гих вещей не продали. И все возрастающие по мере инфляции счета за свою огромную жилую площадь ежемесячно оплачивали без всяких задержек.

Так Машенька и выросла. Еще при родителях у девочки талант к рисованию выяснился. И хотя сама она особого рвения к художествам не испытывала, но в спецшколу ее отдали. А потом уже в училище. Только она его не закончила.

– Почему?

– Маргарита Федоровна умерла, – сказала старушка, словно это как-то объясняло, почему Маша внезапно бросила учебу.

И Вера Ивановна умолкла. Похоже, источник ее знаний о семье Парамоновых иссяк. Подруги поблагодарили старушку за чай и принялись докрашивать батарею. Во второй раз дело пошло быстрее. Вскоре батарея приобрела нежный оттенок слоновой кости. Вера Ивановна была совершенно счастлива, горда и не скрывала этого.

Подруги даже расчувствовались. Как легко, оказывается, сделать человека счастливым. Какой-то пустяк, а старушка так довольна.

– А зачем вы про Парамоновых спрашивали? – поинтересовалась Вера Ивановна. – Не затопило их?

– В смысле?

– Когда батареи меняли, тут такой потоп был! Я уж думала, что сейчас Машенька ко мне жаловаться прибежит, что затопила ее. Хватилась, где ее искать. И не знаю.

– Понятно. Мы тоже не знаем.

Но Вера Ивановна то ли их последних слов не расслышала, то ли внимания не обратила. И продолжала:

– Хотя стыдно мне должно быть. Хотела бы, так уж давно Машеньку нашла.

– В самом деле? – равнодушно пробормотала Кира.

Интереса в ее голосе не прозвучало – она ожидала, что сейчас Вера Ивановна вывалит перед ними уже знакомую историю с покупкой конюшни. Но отнюдь не бывало.

– Ну да. Я же могла у Ниночки Колокольчиковой спросить, где Машу искать.

Услышав новое имя, подруги насторожились.

– Они подружками были, – говорила Вера Ивановна. – В школе дружили. И потом я их часто вместе видела. Так неужели Ниночка не сказала бы мне, где теперь Машенька живет! Вот какой груз у меня на совести. А все потому, что позавидовала я. Ремонту, который Парамоновы сделали. Завидовала. Сама в грязи жила, а у них такая красота в квартире. Вот когда их с моей батареей затопило, я и подумала – ничего. Мол, так им и надо. Плохо, конечно, сама понимаю теперь.

Судя по всему, новая, цвета слоновой кости батарея подняла Веру Ивановну на новый уровень духовного развития. Во всяком случае, сделала гораздо добрей и лучше. Надо же, какой пустяк иной раз способен привести человека к глубокому раскаянию. Став обладательницей прекрасной батареи, Вера Ивановна мигом прониклась сочувствием к затопленным ею когда-то соседям.

Но подругам было не до философии. Они торопливо попрощались с Верой Ивановной. И, не забыв выяснить у нее адрес Ниночки, помчались к Колокольчиковой.

Глава пятая

К счастью, жила девушка в соседнем доме. Только вот на последнем этаже, а лифта в доме не было.

– Надеюсь, что все же Маша у нее, – пыхтела на ходу Кира.

– А если нет?

Действительно, у Ниночки их подстерегал полный облом. Дверь им никто не открыл.

– Странно. Где же Ниночка?

Леся фыркнула.

– Ты на часы посмотри! Шестой час только! Где в такое время все нормальные люди?

– На работе! – осенило Киру.

– На работе или в пробках по дороге домой парятся.

Чтобы проверить эту версию, подруги вышли на улицу. Там в самом деле стояла мощная пробка. И откуда она тут появилась? Ведь буквально час назад ее и в помине не было. И что обидно, пробка была солидная, уходящая длинным концом далеко за горизонт.

Машины томились, газовали, фыркавая выхлопными газами, но толком сдвинуться с места не могли. Особенно тяжело приходилось автобусам и троллейбусам. Все свободные кусочки проезжей части мгновенно занимали более юркие легковушки. И этим гигантам, под завязку набитым потными, проклинающими самих себя и дорогу людьми, оставалось только возмущенно гудеть.

– Вернемся к Ниной квартире и подождем девушку тут, – предложила Кира.

Но это вызвало горячий протест у Леси.

– У меня же дома тетка!

– Ну и что?

– Из Екатеринбурга приехала! Туристка!

Кира не могла взять в толк, что за проблема.

– Мы с ней договорились, что вечером я везу ее на экскурсию по городу.

– Как это? Уже поздно! Пока доедешь до дома, пока она соберется, будет уже поздний вечер. Экскурсий ночью не бывает.

– Это ты так думаешь. А я выясняла, есть экскурсии!

– Ну да? И как же потом с автобусов домой среди ночи возвращаться?

– Во-первых, есть такси!

– Дороговато выйдет среди ночи к нам из центра тащиться.

– А во-вторых, – не обращая внимания на слова подруги, сказала Леся, – мы с тетей собрались на теплоходе кататься. В одиннадцать вечера он нас забирает. И в пять утра высаживает на том же месте у Медного всадника. Метро будет уже открыто.

Кира выразительно посмотрела на часы, намекая, что до одиннадцати еще уйма времени.

– Ну и что? Нам нужно еще успеть собраться, одеться, накраситься.

Последняя фраза заставила Киру насторожиться.

– Зачем это вам краситься? Вы что, на свидание собрались?

– Не совсем чтобы свидание.

– Нет, уж ты договаривай! Вижу, как ты покраснела.

– Ничего я не краснела!

– У тебя даже нос порозовел!

– Нет! Но если хочешь, то я тебе объясню, в чем дело.

– Ну? Объясняй!

– Только это страшная тайна! – предупредила подругу Леся.

– У тебя есть от меня тайны? – обиделась Кира.

– Но это не моя тайна. А тетки Дули.

– И что? Ты думаешь, что я свято сохраню твою тайну, но выдам тайну твоей тетки? – фыркнула Кира. – И кому? Я же не знаю никого из ее знакомых.

– Может быть, ей будет неприятно, что я рассказала о ней тебе, – продолжала смущаться Леся.

– Я буду молчать.

Леся посмотрела на подругу, вздохнула, набираясь решимости, и сказала:

– В общем, тетка Дуля приехала в Питер не просто так. Она ищет себе мужа.

– Мужа?

– Законного мужа. И эта сегодняшняя экскурсия – это не совсем так чтобы и экскурсия.

– А что же тогда?

– Ну, то есть экскурсия, конечно. Но с целью познакомиться. Понимаешь?

– Не очень. С кем познакомиться?

– Господи, с мужчиной, с женщиной, существом противоположного пола, со своей второй половинкой наконец! Если повезет!

– А при чем тут теплоход?

– Потому что на нем вся эта вечеринка знакомств и происходит!

Киру проняло. И, затаив дыхание, она спросила:

– Это, типа, чтобы облюбованному претенденту некуда было подеваться с корабля? Да? Только в воду? Господи, да это же мечта всякой женщины! Леся, и ты молчала!

– Я не знала! Меня саму тетка пригласила!

– А она откуда узнала про эту классную вечеринку?

– Не знаю. Узнала, и все. По радио, может быть, услышала.

Но Киру больше не интересовала весьма странная для иногородней гражданки осведомленность в брачных играх города. Ее интересовало, как на эти самые игры попасть. И если повезет, даже поучаствовать.

– Попасть очень просто. Нужно купить билет на теплоход.

– Где?! – взвывла Кира. – Где его нужно купить? Говори быстро!

– Я могу спросить у тети. Только она мне еще утром сказала, что билетов больше нет.

Ответ нашелся быстро. Оказалось, что билет на теплоход можно купить в любой экскурсионной кассе города. К счастью, подруги находились в центре. И потому долго искать нужную кассу им не пришлось. И билет нашелся. Несмотря на то, что плавучий дом знакомств пользовался дикой популярностью и все билеты раскупались до последнего, буквально за минуту до прихода Киры, его сдала какая-то юная девушка, которая заявила, что уже нашла своего суженого. И всякие вечеринки ей больше не нужны. Она замуж собирается. Ей не до глупостей.

– Очень хорошо, – с удовлетворением рассматривая довольно-таки невзрачный билетик, произнесла Кира. – Значит, вот он, пропуск в замужнюю жизнь. Добрый знак. Та девушка, которая от него отказалась, уже нашла свое счастье. Просто отлично! Вечером отправляемся!

Думать о расследовании в таком взволнованном состоянии было решительно невозможно. Но все же, для очистки совести, подруги еще раз наведались к Ниночке. И хотя было уже около восьми часов вечера, пробка на дороге почти рассосалась, но девушка дома так и не появлялась.

– Наверное, она на свидании или в кино с молодым человеком, – завистливо вздохнула Леся.

И подруги решили, что нечего ждать у моря погоды. А лучше подъехать к Нине завтра часикам этак к шести или в половине седьмого утра. Едва только сойдут с корабля на берег и сумеют отбиться от многочисленных поклонников, которыми обзаведутся, и – сразу к Ниночке. Так сказать, с корабля да на бал.

– Рано утром она точно дома будет. Она же не сумасшедшая, чтобы в шесть утра по городу носиться?!

И хотя с последней Лесиной фразой можно было бы поспорить, но Кира не стала. В самом деле, ранним утром все нормальные люди дома у себя в постельках. Это только они с Лесей, страдаемые брачной лихорадкой, носятся по городу, а теперь вот еще и вплавь пустятся. И не одни, а с теткой Дулей в придачу.

По этому поводу у Киры также возникли сомнения.

– Ты уверена, что стоит брать тетку с собой? Как бы она не отпугнула от нас потенциальных кавалеров.

– Да как тебе не стыдно! Если бы не она, то мы бы с тобой вообще никуда не поехали. Она все организовала.

– Но...

– И потом, как ты себе это представляешь? У нее же билет куплен. Не могу же я его выкрасть?

– Почему?

– Хотя бы потому, что не знаю, где она его прячет!

– А ты поищи.

Лесья только фыркнула.

– Думаешь, чем я занималась с тех пор, как узнала про эту экскурсию. Пыталась найти билет!

– И не нашла?

– Нет!

– А ты еще поищи.

– Поищу.

И подружки расстались до вечера.

– Сбор во дворе ровно в десять вечера, – сказала Кира, звонко чмокая подругу в щеку.

Ехать на пристань было решено на Кириной машине. Чтобы потом на ней же ранним утром мчаться к Ниночке. И девушки расстались до вечера. Лесья осторожно проникла в дом, надеясь, что тетка принимает ванну, ушла в магазин или гладит платье. Одним словом, страшно занята и не сможет отвлекаться на племянницу, которая вознамерилась порыться в ее вещах в поисках билета.

Но ничуть не бывало. Тетка Дульсинья хотя и была занята, пришивая на красный шелк бисер и золотую тесьму, при виде племянницы мигом отложила рукоделие и засуетилась возле нее.

– Миленькая ты моя! Где же ты целый день-то шастала? Нам скоро с женихами знакомиться, а на тебе лица нет. Бледная вся!

– Сейчас приму душ и порозовею.

– И покушать! – засуетилась тетка. – Покушать нужно! А где твоя вторая девочка? Кира, так ее зовут? Что же ты ее к нам поужинать не позвала? Она ведь одна живет? Наверное, вечно на диете. Худая как щепка! Звони ей. Пусть приходит.

– Она не придет.

– Вот жалость! А я и супчика с куриными потрошками стоговила! С картошечкой, с вермишелькой. Да ты глянь! Это же прелесть какая, а не вермишелька! Вся звездочками. Крохотными-крохотными! Я целые две тарелки съела, до того вкусно оказалось.

Но Лесья не хотела вермишельки. Она хотела привести себя в порядок. Смыть следы усталости и уложить волосы. Но от супа открутиться не удалось.

– Вкусно? – допытывалась у племянницы тетка. – Ах, жалость какая!

– Что тебе жалко?

– Девочку твою жалко. Подружку. Ведь и без ужина останется. И на корабль с нами не попадет. Я же про нее подумала, когда на рынок за курочкой моталась и заодно билеты нам с тобой купила.

– Тетя, а откуда ты узнала, где их нужно покупать? И откуда знала, что они такие в природе вообще существуют?

Но тетка Дуля отвела глаза.

– Да это не важно, Лесенька.

– Ты что, рекламное объявление увидела?

– Вот именно! – обрадовалась тетка. – Рекламу увидела!

– Все равно не понимаю. Какая реклама, если у них билеты влет расходятся?

– И я к чему веду! – воскликнула тетя Дуля. – Я ведь и на твою подружку рассчитывала. Да не оказалось в кассе трех билетиков. Только два! Тебе и мне!

– Не переживай, тетя. Кира себе уже купила. В другой кассе.

– Да ты что?! Вот хорошо! А то я уж думала ей свой билетик отдать. Отправить вас, так сказать, на разведку. Вы обе девушки молодые, видные да энергичные. Все там разузнаете хорошенько. А мне самой, если уж вам понравится, в следующий раз поехать. А теперь вот как хорошо получилось! И вы поедете! И мне не так страшно будет!

И как после такого вступления Леся могла обидеть тетку? Она даже не стала искать злополучный билет, который жестокая Кира поручила ей отнять у тетки. Леся вздохнула и отправилась в ванную. Однако очень скоро ей пришлось о своем благородстве горько пожалеть. Очень, очень скоро. Буквально в тот момент, как она вышла из ванной комнаты.

Выйдя, Леся застыла на месте, увидев перед собой нечто огромное, красное и переливающееся словно жар-птица.

– Что это? – ахнула она.

Красное и мерцающее повернулось. И Леся с содроганием увидела очень довольное лицо своей тетки. Она улыбалась племяннице широко и приветливо.

– Лесенька, как тебе мое новое платье?

– Просто нет слов! – выдавила Леся, у которой в самом деле слов не было.

Платье было просто кошмарное. На него пошло не меньше десяти метров ярко-алого шелка, который весь искрился и переливался благодаря нашитому на него бисеру, стеклярусу и каким-то золотым нитям. Так вот чем занималась ее тетка, когда Леся пришла домой. Украшала свое платье!

– Красиво получилось? Я его своими руками сшила.

– Ох!

Сидели эти десять метров жесткого шелка на родной Лесиной тетке с изяществом консервной банки. Огромных размеров. Красной. И обильно украшенной золотом.

– Не будет мне в нем холодно? Может быть, шаль накинуть?

Затуманенным глазом Леся увидела, как ее тетка набрасывает нечто пестрое на свои шикарные белые плечи, оставшиеся обнаженными в этой конструкции из ткани и бисера. При ближайшем рассмотрении пестрым оказалась тонкая шаль в трогательных гномиках. Тетке с ее монументальностью гномики были решительно противопоказаны. А в сочетании с красным платьем они выглядели хуже не придумаешь.

От шали тетку удалось отговорить. Но тут до Леси наконец дошел смысл всех этих приготовлений.

– Тетя? – даже задохнулась она. – Ты это все для экскурсии приготовила?

– Что все?

– Ну, м-м-м... платье. И шаль...

– Конечно!

– Ты собираешься в этом ехать?

Видимо, Лесе не удалось до конца совладать с обуревающими ее чувствами, потому что тетка насторожилась.

– А ты что-то имеешь против, Лесенька?

– Ты замерзнешь! Платье очень открытое, а на улице прохладно.

– Поэтому я и хочу взять с собой шаль!

И тетка Дуля проворно набросила шаль себе на плечи.

– Шаль тонкая, она тебя не спасет. Ночью на свежем воздухе будет просто холодно.

– Я тоже так сначала подумала. А потом вспомнила, что теплоход закрытый! И еще каждому дадут по бокальчику шампанского. Бесплатно.

На взгляд Леси, одного бокала шипучки будет маловато, чтобы всю ночь обогревать мощные тела ее тетки. Но, может быть, удастся отговорить ее хотя бы от платья? Одну шаль Леся еще согласилась бы стерпеть. Особенно если ее загнуть вот таким образом, чтобы почти все гномики спрятались или, по крайней мере, исказились до неузнаваемости.

Но нет! Извлечь тетку из ее платья не смогли бы и десять пожарных совместными усилиями. То есть, вероятно, если бы пожарные были симпатичны и усаты, то тетка сама бы постаралась избавиться от стесняющей движения одежды. Но сейчас – нет. Сейчас она твердо намерилась появиться на теплоходе во всем блеске своего туалета. И сразить всех-всех! Наповал!

И первой жертвой этой невиданной уральской красоты стала Кира. Не подозревая дурного, она протирала кусочком замши лобовое стекло в своей машине. Замша была искусственная, мягкая и идеально подходила для этих целей. Кира получила ее в подарок на заправке как сотый или тысячный посетитель, а еще потому, что выдавал эти тряпочки парнишка, который буквально съедал Киру глазами всякий раз, когда она приезжала на заправку.

Тот день вообще был очень удачен в смысле замши. Потому что Кира купила себе еще черные сапоги и светлый костюм. Опять же из замши. И если для сапог время еще не наступило, то костюм Кира позволила себе надеть. И вот в этом своем элегантном, слегка расклешенном брючном костюме, не особенно налегая на работу, Кира протирала стекло, не ведая о приближающемся ужасе. И тут в отражении стекла внезапно появилось нечто странное. Красное и сверкающее.

Некоторое время Кира приглядывалась к отражению. Потом попыталась его протереть, надеясь, что это всего лишь оптический обман зрения. А когда это не удалось, оглянулась.

– А-ай!

Невольный крик, который сорвался с ее губ, был вполне простителен. Тетка Дульсинья в своем выходном прикиде смотрелась потрясно. К платью были надеты новые туфли на огромных шпильках. И еще Дуля начесала свои густые волосы в высокую «башню». Туфли тетке жали. И к тому же ходить на шпильках она не умела. То ли никогда не носила, то ли забыла, как это делается.

Во всяком случае, теперь все это монументальное сооружение из шелка, бисера, проволоки и живой стокилограммовой плоти при каждом теткинском шаге покачивалось и колыхалось, то и дело угрожая завалиться набок. Рядом со своей тетей маленькая Леся казалась еще более хрупкой. И ей одной было явно не под силу удержать покачивающуюся тетку, хотя девушка и старалась как могла.

А когда тетка Дуля подошла еще ближе и Кире стало видно ее лицо, пробрало даже Кирину мужественную натуру.

– Эт-то что такое? – дрожащим голосом пролепетала она. – Зачем это, а?

Она имела в виду, что румян на теткинском лице могло быть и поменьше. Или, по крайней мере, не нужно было их класть такими жирными слоями. Тушь, как полагается хорошей туши, даже и не думала изображать, будто бы ее нет. Напротив, она облепила глаза тетки Дули жирными-прежирными комочками, которые потихоньку отваливались вниз. А уж губы! Губы

– это был настоящий оскал людоеда из племени Мумбу-Юмбу, когда он только что приступил к дегустации очередной партии пленников.

– Как же это? – пролепетала Кира.

– Все в порядке, – преувеличенно радостно улыбаясь, заверила ее Леся. – Все под контролем. Тетя Дуля едет с нами!

Кира открыла рот и тут же его закрыла. Спрашивать что-либо было бесполезно. И так было понятно, что операция по краже теткиного билета бесславно провалилась. И теперь они поедут на бал втроем. Впрочем, даже вчетвером, если считать платье тетки Дули за отдельную единицу. А оно того, безусловно, стоило.

На теплоходе подруги попытались, насколько это было возможно, запрятать тетку поглубже и подальше.

– На верхней палубе холодно. Ветер. Сидите тут в тепле, тетечка, – твердили они ей.

Но бокал шампанского, который вручали всем поднявшимся на борт теплохода пассажирам, произвел на тетку странное впечатление. Если по дороге к Неве и до того, как подняться на борт теплохода, тетку бил мандраж, то теперь она раздухарилась и изо всех сил рвалась развлекаться.

– Тут нет ни одной женщины, которая была бы одета так же, как я! – твердила она, испытывая безумную гордость от своей уникальности.

И была права. Женщин в вечерних туалетах (тем более в таких!) на теплоходе не было. Нет, было несколько сильно декольтированных блузок и пара длинных платьев, но даже в совокупности они не могли идти ни в какое сравнение с теткинским прикидом.

– Я буду королевой этой вечеринки! – твердила тетка. – А вы моими фрейлинами.

Вот именно это и смущало подруг больше всего. На их тетку в самом деле обращали внимание. Не совсем то, какое ей грезилось, но обращали. И если тетка начнет куролесить и втягивать в свои затеи подруг, то все окружающие поймут, что они с этой особой вместе.

– Позору тогда не оберешься! – простонала Кира. – Леся, как ты могла?

– А что я? Ты сама загорелась идеей идти на эту вечеринку!

– Но я думала, что твоя тетя скромно оденется и тихо просидит всю ночь в уголке! А что мы имеем вместо этого?

Да уж, вместо тихой и скромной тети подруги имели центнер жаждущей любви плоти. Остановить ее у них не было сил. И они просто отступили. А тетка уже вошла в раж. Она перезнакомилась буквально со всеми двенадцатью пассажирами мужского пола, которые чудом оказались на этом судне любви. Остальные полторы сотни пассажиров оказались представительницами слабого пола. Соотношение, в общем-то, для подобного мероприятия вполне нормальное. Ну скажите на милость, какой нормальный мужик потащится ночью на корабле по Неве искать себе подругу жизни? Правильно. Никакой.

– Это женщинам все нейдет, – с неприязнью косясь по сторонам, шипела Леся. – Безобразие!

– Чувствую себя обманутой. Деньги заплатила, а мужчин нет.

– Зато как разошлась тетя! Смотри, мужчины возле нее так и вьются.

И в самом деле, за целую ночь к подругам подошли только два кавалера. И то они оба лысые и пузатые. Это было то, что сбросила тетка Дуля со своего царского плеча. Оба кавалера пригласили подруг на медленный танец, только повинувшись приказу тетки Дули. И весь танец говорили с девушками только о ней, о Дульсине из Екатеринбурга, пытаясь выяснить, что она любит, чем увлекается и есть ли у них лично шансы понравиться ей.

– Я ничего не понимаю, – пожаловалась Кира. – Как ей это удастся?

– Ее много и видно издали, – предположила Леся. – А кавалеры тут все уже сильно бэу. Кто в очках, кто просто придурок. Вот и видят только то, что поярче горит.

- Другими словами, чтобы привлечь их внимание, нужно одеться, как твоя тетка?
- И вырасти до ее размеров!

Кира недоуменно покачала головой. И посмотрела в сторону тети Дули. Та уже давно выбралась из укрытия нижней палубы. И теперь разгуливала по ней на свежем воздухе, сверкая в отблесках прожекторов и интригуя всех припозднившихся пешеходов и водителей легкового транспорта на улицах города. Машины выстроились вереницей вдоль набережной и долго ехали рядом с теплоходом, люди гадали, пытаясь понять, что же происходит на воде. Театрализованное действо? Свадьба или все же пожар?

Но кончилось это все для тетки Дули плохо. Возможно, могло быть и еще хуже, но вряд ли. Недаром говорят: чем выше летаешь, тем больней падать. Тетка Дуля возгордилась, потеряла осторожность, и результат не замедлил сказаться.

Платье тетки Дульсиinei было снабжено сзади длинным шлейфом. Таким же жестким, как и все остальное. Однако вначале тетка еще умудрялась придерживать шлейф рукой. А потом расслабилась и поручила это одному из своих ухажеров. Вот в этом и заключалась ее стратегическая ошибка. Мужчинам доверять подобные вещи никак нельзя.

Мужчина есть мужчина. И в конце концов кавалер отвлекся от порученного ему ответственного задания. Шлейф пополз по палубе. И некоторое время ничего дурного в этом не было. Ну, ползет себе кусок красного шелка по палубе, пачкается потихоньку. Но ведь это мелочи, верно?

Катастрофа наступила, когда тетка, весело смеясь, так что корабль дрожал от борта до борта, резко отступила от одного из своих кавалеров. И, разумеется, наступила на шлейф собственного платья. Шпилька ее туфли запуталась в ткани. И чем энергичнее тетка пыталась выбраться из плена, тем больше запутывалась в полах своего платья.

К сожалению, подруги заметили это слишком поздно. Когда, окончательно превратившись в огромный красный кокон, тетка потеряла равновесие, да еще корабль задумал именно в этот момент пойти на разворот, Дульсиinea с диким воплем полетела вниз. В темную невскую воду! Запутавшись в своем тяжелом платье.

- Ах! – вскричала Леся, когда тетка Дуля вдруг исчезла с поверхности. – Куда она делась?
- Женщина свалилась!
- Упала в воду!
- Скорее! Помогите же ей!

Подруги, свесившись вниз, пытались обнаружить тетку Дулю. Бесполезно. Ее даже не было видно!

- Она утонула! – рыдала Леся.

Кира тем временем рвала на себя спасательный круг. Ей это не удавалось. Он оказался намертво прибит к поручням. Да еще покрашен сверху несколькими слоями краски, которая образовала одну сплошную и очень прочную корку.

- Она утонула! Утонула! – убивалась Леся.

Кире наконец удалось оторвать злополучный круг. И с победным воплем она швырнула его в воду. Как раз туда, где в эту минуту показалась голова тетки Дули.

- Бамц! Бульк!

Это были два звука. Первый издал круг, соприкоснувшись с головой тетки Дули. А второй издала она сама, когда снова погрузилась в водную пучину.

- Ты убила мою тетю! – ужаснулась Леся. – Ты ее утопила!
- Сначала она голову вашей тете проломилась, – поставила Лесю в известность какая-то дородная дама, замершая рядом с подругами. – Вот как люди гибнут!

– Я – свидетель! – тут же затараторила ее худая и вертлявая подруга. – Я все видела! Вот моя карточка!

И она сунула в руку Лесе визитку. Но та была в ступоре.

– Кира, она умерла? Ты ее убила?

Но тетка Дуля оказалась куда крепче, чем представлялось всем окружающим. Даже удар по голове не заставил ее потерять присутствия духа. И уже через несколько секунд она снова барахталась на поверхности воды, словно гигантская алая кувшинка. Очень громкая, надо сказать.

Спасательный круг, который бросила Кира и который подхватила утопающая, не выдерживал мощных телес тети Дули. Так что хотя она и взгромоздилась на него, но временами все же уходила под воду. Потом снова выныривала. И ругалась. О, как она ругалась! Наконец и команда проявила интерес к происходящему.

– Человек за бортом! – закричал один из матросов.

– Кто там? – вяло поинтересовался у него подвыпивший капитан, для которого все происходящее явилось полной неожиданностью.

– Женщина там... кажется.

Тетя Дульсинея к этому времени окончательно пришла в себя. Она распласталась на спасательном круге, колотила по воде руками и вопила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.